

Вдохновенный пример Москвы

В тот год, когда Советская страна только приступала к выполнению первой пятилетки, в нашу родную столицу приехал Алексей Максимович Горький. Обращаясь к участникам пленума Московского совета, великий писатель, годовщину смерти которого мы отмечаем сегодня, с волнением говорил о том, что попал он «в атмосферу изумительного напряжения, азергии, умного и здорового творчества, которое, несмотря на трудности, вы осуществляется в такой необычайной форме...»

Эпоха сталинских пятилеток, период Великой Отечественной войны, годы осуществления послевоенной пятилетки показали изумительное напряжение, энергию, умное и здоровое творчество москвичей. И вот Москва — ведущая, Москва, всегда идущая вперед, Москва, которую мы все горячо любим, — она, как знаменщик, шагает во главе всеародного наступления на досрочное выполнение пятилетнего плана.

Столица Советского государства, а с тем и вся наша великая страна отмечают новую крупную победу. Московская промышленность по большому счету достигла среднего уровня производства, запланированного на 1950, последний год пятилетки. С радостью сообщают об этом рабочие, работники, мастера, инженеры, техники и служащие Москвы в письме к родной и вдохновенно идущей вперед советской партии, родному товарищу И. В. Сталину.

За сорок месяцев — вместо шестидесяти — первые отрасли московской промышленности превзошли тот уровень производства, который был запланирован на последний год послевоенной пятилетки. Уже в апреле этого года производство важнейших видов продукции — стали, проката, электротехники, меди, металлургических станков, паровых котлов, шелковых тканей, обуви, кондитерских изделий, растительного масла — было выше среднего уровня выпуска, запланированного на 1950 год. В списке московских предприятий, досрочно завершивших пятилетку, мы встречаем прославленные заводы: «Динамо», «Серп и молот», трансформаторный, электроламповый, «Москабель», «Калор», «Фрезер», «Маучу», «Станколит», Краснохолмский комбинат и многие другие.

Миллионы москвичей самоотверженно и вдохновенно трудились во имя этой слабой победы. На фабриках и заводах, электростанциях и на транспорте широко развернулась социалистическое соревнование. Больше 96 процентов работающих в московской промышленности и на транспорте — это стахановцы, участники соревнования, а энтузиазмом борющиеся за выполнение пятилетнего плана, люди, работающие так, как учил великий вождь нашего народа товарищ Сталин. Люди Москвы каждый раз берут на себя все более высокие обязательства и свято их выполняют. Слово, данное товарищу Сталину, — нерушимое слово. Трудились москвичи всегда считали выполнение обещаний делом своей чести.

В письме товарищу Сталину московские рабочие, работники, мастера, инженеры, техники и служащие мы видим не только цифры, иллюстрирующие рост производства, но и великие подвиги, героические подвиги людей. Москвичи с гордостью сообщают о людях, снискавших широкую известность и заслуживших славу, — о лауреатах Сталинской премии Павле Быкове, Валентине Хрисановой, Александре Чутких, Алексее Маркове, Николае Угрюмове. Они называют имена Дмитрия Белоусова, Анатолия Субботина, Софьи Турбиной, Василия Федосеева, Татьяны Ларионовой, Владимира Борюшина, Анны Чубриковой, Василия Пилина, Николая Ольшана, Григория Авдеева, Василия Астафова. Патристические начинания и творческий опыт выдающихся новаторов нашего времени подхвачены на сотнях предприятий. В славные отряды передовых бригад пятилетки каждый день вливается новые стахановцы.

«Новое русло» и «Коммунизм» Аркадия Кулешова, «Рыбакова хата» Якуба Коласа, «Хлеб» Петрусы Бровки, стихи Анатолия Вологдина, Эдида Огнетей, Ф. Пестрака и многие другие произведения белорусских поэтов, проникнутые чувством советского патриотизма, обогатили нашу многонациональную советскую поэзию.

Заметных успехов достигли за эти годы и белорусские прозаики. «Воснянка» Тараса Каткевича, «Глубокое течение» Ивана Шемякина, «Теплое дыхание» М. Польшанина, «Незабываемые дни» Михаила Лынькова, повести и рассказы Алексея Кулаковского, Ивана Мележа, Ивана Брыля, А. Стаховича являются серьезным вкладом в советскую белорусскую литературу, призванную глубоко и ярко отражать величие сталинской эпохи, служить делу коммунистического воспитания трудящихся. Советский эпитет по заслугам оценил писатель белорусских писателей — «С народом» Кондрата Крапивы, «Константин Заслонов» Аркадия Моззона, воссоздающие памятные дни героической борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков. Приток новых молодых

Работники московской индустрии пишут: «Таких людей — смелых новаторов, вожаков соревнования — на наших предприятиях становится с каждым днем все больше и больше. Они — славные защитники многих замечательных дел, направленных на технический прогресс нашей индустрии, на досрочное выполнение государственных заданий». Новаторский дух присущ рабочим, работницам, инженерам, техникам и служащим московской промышленности. Каждый день в Москве возникает новое. Более двух десятилетий назад Маяковский писал:

Не надо быть пророком-прорицателем, всевидящим оком святых троих, чтоб видеть, как новое в людях роится, вторая Москва вскипает и строчит.

Новую передовую московскую индустрию прославили люди, имена которых назвали в письме к товарищу Сталину, москвичи, а также десятки тысяч их последователей, смелых и неутомимых новаторов. Новую индустрию Москвы строили отцы и старшие братья сегодняшних героев и героинь труда, эту индустрию продолжают создавать и укреплять люди большевистской закалки, смелые и неутомимые новаторы, стахановцы послевоенной пятилетки. Московская большевистская организация — героический и славный отряд Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков — руководит социальной работой москвичей, досрочно выполняющих задания пятилетнего плана по промышленности.

Ярко, красочно, правдиво запечатлел образ новой московской индустрии Ари Барбук, оставивший в свое время после посещения Московского шарикоподшипникового завода такую запись:

«Ваш завод — грандиозный центр труда, и я в восторге от совершенства его оборудования и рациональной организации производства. Как и другие советские заводы, ваш завод не является только заводом — это целый законченный маленький мир, обильный планета, вращающаяся в великой, разумной и человеческой советской системе».

Великая, разумная и человеческая советская система воспитала людей высокого трудового подвига, людей, готовых преодолеть любые трудности во имя коммунизма. Для таких людей нет преград. Выполнив большую и величайшую программу, москвичи не останавливаются на достигнутом. Рапортуя вождю народов товарищу Сталину о достигнутых успехах, они принимают на себя новые, повышенные обязательства. И когда москвичи заявляют, что они будут и впредь идти в первых рядах борцов за построение коммунистического общества, за воплощение в жизнь светлых заветов, оставленных перед советским народом, то эти слова можно верить: эти слова тверды, как сталь!

Опыт, трудящихся Москвы, московских новаторов производства распространяется далеко за пределами столицы и делается достоянием миллионов. Имена многих новаторов Москвы теперь можно встретить на обложках книг, рассказывающих о стахановском опыте.

Тема Москвы и труда ее людей ждет писателей и поэтов, художников и скульпторов, композиторов и артистов. Москва — столица Советской страны, Москва — маяк для всего прогрессивного человечества, и каждое произведение, посвященное Москве, близко и дорого всему советскому народу и всем передовым людям на земле.

Вся наша многонациональная страна и все честные, преданные друзья нашего народа с радостью и любовью воспримут весть о новой победе московских трудящихся, в сердцах которых горит неуемный огонь советского патриотизма, победное пламя социалистического соревнования.

Слава московцам, слава их самоотверженному труду, слава их вдохновенному и творческому примеру, слава их победе, одержанной под руководством партии Ленина — Сталина!

Да здравствует новый труд и грядущие победы!

Правление Союза советских писателей СССР шлет горячий братский привет писателям Советской Белоруссии, собравшимся на свой Второй съезд.

Вдохновенные историческими решениями нашей партии по идеологическим вопросам, белорусские писатели за последние годы создали ряд значительных произведений, в которых дано правдивое изображение героических дел советских людей, их самоотверженной борьбы за честь, независимость и могущество советской Отчизны.

«Новое русло» и «Коммунизм» Аркадия Кулешова, «Рыбакова хата» Якуба Коласа, «Хлеб» Петрусы Бровки, стихи Анатолия Вологдина, Эдида Огнетей, Ф. Пестрака и многие другие произведения белорусских поэтов, проникнутые чувством советского патриотизма, обогатили нашу многонациональную советскую поэзию.

Заметных успехов достигли за эти годы и белорусские прозаики. «Воснянка» Тараса Каткевича, «Глубокое течение» Ивана Шемякина, «Теплое дыхание» М. Польшанина, «Незабываемые дни» Михаила Лынькова, повести и рассказы Алексея Кулаковского, Ивана Мележа, Ивана Брыля, А. Стаховича являются серьезным вкладом в советскую белорусскую литературу, призванную глубоко и ярко отражать величие сталинской эпохи, служить делу коммунистического воспитания трудящихся. Советский эпитет по заслугам оценил писатель белорусских писателей — «С народом» Кондрата Крапивы, «Константин Заслонов» Аркадия Моззона, воссоздающие памятные дни героической борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков. Приток новых молодых

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2536) Суббота, 18 июня 1949 г. Цена 40 коп.

Столица богатырского труда

Москва военных дней еще стоит перед глазами — память навсегда сохранила ее суровые обветренные черты. Поноше, изрезанное лучами прожекторов. Аэродромы загражденные, чернеющие высоко над Красной площадью. Усталые войска, всю ночь молчаливо, неудержимо плывшие на запад — через Смоленскую область, по Можайскому шоссе, по Волоколамскому шоссе, вдоль Большой Калужской... Теперь стародавние названия эти напоминают нам бой за Смоленск и Можайск, за Волоколамск и Калугу, бой, решивший судьбу Москвы. Тревожные дни и тревожные ночи столицы позабыть невозможно. Отблески артиллерийской канонады слышались в зимнем небе. Весь в снегу, мотыльки стремительно взбегая в ворота Спасской башни. Танки, парящая асфальт, уходил из города к фронту. Все небо за затемненными окнами Кремля продолжалось жизнью. Здесь, в Москве, была заумная, предвещая, воплощенная победа. Отсюда мы перешли в наступление...

Иные Москва под светлым, солнечным небом небывало прекрасна, приветлива, празднична. Этот город вчера еще был сердцем и штабом сражавшейся войны, — сегодня он — столица труда, сердце борьбы за мир. По знакомой строчке ежедневных сводок — «наступление наших войск продолжается» — и ныне сохраняет свою волнующую силу. Вчерашний танкист преодолевает сопротивление металла. Цифры военных трофеев оменялись цифрами трудовых успехов. Руки, сжимавшие винтовки, сжимают рычаги станков. Руки, подносившие снаряды, подносят кирпичи и цемент. Вчерашний сапер возводит навечно укрепления коммунизма — дворцы и заводы, театры и школы.

Наступление продолжается. Сталин ведет войну за мир.

В авангарде — Москва, город Сталина, столица могучей победоносной державы, страны труда.

Рубиновые звезды Кремля стали путеводными звездами коммунизма. Ничто не остановит парад, который держит путь к счастью: «мы не дадим ни сил, ни труда», — пишут Сталину люди Москвы. Краткие строчки поразительных цифр подтверждают эти слова.

Уже в апреле этого года заводы Москвы давали столько продукции, сколько они должны были давать в будущем, 1950 году — в последнем году пятилетки. Уже в апреле этого года десятки заводов досрочно выполнили пятилетний план.

Я еду по столице сегодняшних дней. Я еду по широким, лучшим проспектам, мимо зданий, ослепляющих в гранит и мрамор. Зеленые липы шумят над моей головой. По мокрой асфальту стремительно мчатся машины. Под солнцем русского лета белокаменный, полный жизни, кишащий, слышит, тянется к небу прекраснейший город Земли.

Да, он стремителен, он захватывающе стремителен, этот город необычайных, непревзойденных тонов. Но в его стремительности нет мертвой, угрюмой моторной пошлости загнившего Нью-Йорка. Да, он величав и державен, этот город, воздающий самую великую, монолитную, непоколебимую страну земного шара. Но в его величии нет мурной, холодной и тяжелой монументальности мрачного Лондона.

Стремительность Москвы осмыслена и человечна. Ее величие согрето теплом создания, дружбы, надежды. Ее праздник, ее свет, ее радость пронизаны мужеством, верой в победу, зрелостью мощных народных сил. Она не угнетает человека, не подавляет, не растлевает.

Она напоенна сердце гордостью, мужеством и вдохновением. Москва вдохновляет умы, открывает мечты, открывает новые горизонты, обещает новые победы.

Это — столица, принадлежавшая своему народу. Ее дворцы, ее театры, ее музеи, ее сады, ее книгохранилища, ее красоты и ее богатства открыты всем, доступны каждому. Вот почему в Москве поют так горячо, так самоотверженно. Вот почему так светло, так уверенно смотрят на вас глаза москвичей. Вот почему так слаженно, так дружно, так упорно трудятся Москва.

Московский толяр Павел Быков увеличил производительность станка, открыл новые возможности в своем труде. Валентина Хрисанова пришла из бухгалтерии в цех, изучила сборку радиозама, добилась стахановских темпов. Текстильщик Александр Чутких возглавлял борьбу за отечественное качество ткани. Что побуждало, что буржуазные мысли, способности, силы этих людей? Быть может, стремление сделать карьеру или сделать деньги? Желание выделиться за счет других, стяжать себе успех, возбудить зависть, добиться славы?

Нет! Противно ханжеству, — конечно, мы любим успех, мы гордимся славою. Но

Анатолий СУРОВ

Успех Быкова — это успех тысяч токарей, перенивших его опыт, подхвативших его идеи, догнавших его, обогнавших его! По часовой стрелке, созданный Валентиной Хрисановой, — это успех тысяч ее товарищей и подруг, увеличивших темпы труда, его эффективность и качество. Радиоприемник, который купит завтра Александр Чутких, будет дешевле, красивее, лучше, — вот успех Валентины Хрисановой. Пальто, которое падает с плеч Валентины Хрисановой, будет добротнее, дешевле, красивее, — вот успех Александра Чутких. Так, плечо к плечу, трудятся советские люди, и Москва подает им пример.

Академик, стоявший на пороге великого открытия, дипломат, готовящий отпор политиканам войны, писатель, завершающий новую книгу, учитель, принимающий выпускные экзамены, сталева, дающая сорочную плавку, — все эти люди Москвы создают ее славу, ее успех, ее богатство.

Москва принадлежит народу. Москва принадлежит каждому из нас.

Каждый день издалека приходит в Москву поезд. Уже где-нибудь за Солнечногорском, за Раменским, за Подольском, заведя стрелки мачты электропередач, ажурные крыши цехов, потоки машин на шоссе, пассажиры, пассажиры говорят, улыбаются:

— Москва начинается!

По это, конечно, неточно. Москва начинается раньше, Москва начинается дальше! Во льдах Новой Земли, на далекой зимковской полярной ночью включают радио советские люди и слушают переводов кремлевских кураторов.

Там начинается Москва. Там, где узбеки собирают хлопок, там, где якуты охотятся за голубым песном, там, где чирок Закарпатье раскрывает «Фрауду», там, где цветут альпийские росы, там, где сажают леса, добывают уголь и ливают металл, — там начинается Москва, там основа ее расцвела, ее могущество.

Горняк из Доббаса и животновод Казахстана приезжают в Москву, в Кремль вернуть государственную, народную власть. Тысячи юношей и девушек со всех концов земли советской каждую осень входят в аудитории московских институтов, техникумов, училищ. И каждую весну тысячи новых инженеров, биологов, учителей, медиков, геологов в техникум разбегаются из Москвы во все углы советской земли — творить, осмыслять, строить. Певильной нитью радиоволн и сетей проводов телеграфа, газетным листом, охватывающим страну, московской песней, звучащей в далеком колхозе, каждой нашей книгой, каждым парубком, хранящим у сердца, соединяет столица с нашей страной. Кровью паффиловских гвардейцев, слившейся с кровью московских девушек и юн, связана столица с нашей страной. Мозг и сердце советской державы, Москва каждым своим успехом, каждым своим днем, всем своим дыханием связана с народом, от края и до края, от моря и до моря, с народом, строящим коммунизм.

Москва — штаб этой стройки, ее мысль, ее воля, ее уверенный пульс.

Москва — центр самой передовой индустрии мира. Ее замечательным заводам доступно все — от сверхкоротких самолетов до роскошных автомобилей новейших конструкций, от твердых сплавов до мягких тканей, от сложнейших станков-автоматов до тончайших приборов, далеко превосходящих своей чуткостью человеческий нерв.

Москва — центр самого передового сельского хозяйства в мире. Здесь сосредоточены академии и институты, внедряющие в жизнь наших колхозов новые и новые методы повышения урожая, посадки лесов, борьбы с засухой, механизацию сельского труда, электрификацию полей, обогащения земель, продвижения на север нежных растений юга, выведения новых плодородных сортов. Здесь штаб агрономии нашей страны, ее опытная база, ее крупнейшая школа.

Москва — центр самой передовой науки мира. Ученые столицы углубляются в тайны материи, создают новые, не известные ранее вещества, выключают болести, против которых ранее люди не умели бороться. В Москве знают Балзак лучше, чем в Париже, и Дарвина лучше, чем в Лондоне. Московские последователи были на полюсе и в стратосфере. Московские ученые — самый мудрый, самый дерзкий, лучше всех осведомленный, авангардный отряд передовой, прогрессивной науки.

Москва — центр самого передового искусства мира. Книжки московских писателей переводятся на все языки мира. Театры Москвы не имеют себе равных. Фильмы Москвы известны сотням миллионов людей. Искусство Москвы — это искусство, исполненное правды и высоких идей, искусство, посвященное труду и миру, несущее надежду, зовущее к счастью.

Москва — город лучшего в мире быта, город самого высокого народного благосостояния, город блестящего транспорта, город самого массового в мире спорта, город свободной и радостной жизни.

Москва — центр коммунизма, город Ленина и Сталина, город партии большевиков, город прогресса, город будущего, город-маяк, указывающий путь всему трудовому человечеству.

Вот почему сегодня с особенной силой звучат великие слова великого поэта:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слышно!
Как много в нем отозвалось!

Да, много, бесконечно много слышно для нас в этом звуке... По этим ушам ходил Пушкин. В этом театре играл Моцарт. В этом доме Гоголь впервые читал «Мертвые души». В этом доме творил Лев Толстой. Здесь выступал Тимирязев. В этом доме вдохновенно трудился Горький. В этой библиотеке занимался Ленин... Что может быть прекраснее города, в котором живет, мыслит и творит гениальный человек Земли — Иосиф Виссарионович Сталин!

Заботу Сталина Москва чувствует последоведно. Изумительным преобразованием города, его непрерывной стройкой руководит могучая сталинская воля. Там, где были грязные пустыри и жалкие лачуги, воздвигнуты стройные шеренги краевых новых домов, разбиты парки, построены клубы, больницы и школы. Москва стала городом, в котором нет окраин. Лучше в мире, блестящее дачное роскошное метро с огромной скоростью доставит вас с проспекта центра к проспектам, окружающим завод имени Сталина, к зеленому массиву Ижмайловского парка, к прекрасному району Сокола, к бывшим Хавочникам, которых не узнать сегодня.

Величественные здания, могучие заводы, дворцы науки, отдыха, искусства, тепличные парки, широкие просторы волеаризации, зеленые поля стадионов, свободные магистрали — такова сегодня Москва. Никогда еще не была она так прекрасна. Никогда еще не были так парадны, так праздничны, так энергичны и задорны счастливые московские люди.

Но мы знаем: Сталин смеет вперед. Сталин видит в самом близком будущем торжественные контуры высочайших зданий, которым предстоит подняться над Москвой по воле его мудрости, по воле его гения, по воле его могучей идеи. Сталин видит своим безошибочным мысленным взором желанный, сказочный город, о котором люди мечтали веками. Уже вычерчиваются линии нового двадцатипятилетнего плана — плана великолепной столицы коммунизма. Этот план станет явью. Среди страны труда и счастья мы воздвигнем город солнца, равного которому не было в истории. Такова воля народа. Такова воля партии. Такова воля Сталина.

«Москва, Кремль, Сталину». Этот адрес известен каждому человеку нашей страны. По этому адресу советские люди сообщают о самых больших и значительных успехах, о самых знаменательных победах. По этому адресу обращаются те, кто пахнет пути к расширению самых величественных планов. Обязательства, взятые перед Сталиным, — святы обязательства. Слово, данное Сталину, — святое слово. Оно равносильно присяге. Оно требует напряжения всех сил ума и сердца, вынуждает и выжимает, изобретательности и творческой смелости. По советские люди никогда не боялись брать за трудное дело. В Магнитогорске и в Ленинграде, на полях Украины и в сибирской тайге — везде одинаково веско звучат слова: «Мы обещаем Вам, товарищ Сталин...»

Так говорит советский народ.

И вот в Сталину обращаются трудящиеся Москвы. Они докладывают: обещания выполнены, более того — превышены. Они говорят: «...обещаем Вам, товарищ Сталин, выполнить Пятилетку по объему промышленного производства в четыре года. Объем продукции, намеченный пятилетним планом на 1950 год, будет нами достигнут в нынешнем, 1949 году».

Эти слова достойны великого города, достойны москвичей. Большевики Москвы идут в первых рядах строителей коммунизма.

Они снова держат свое обещание. Москва учит дерзать, мечтать и строить.

Слава Москве!

Георгий ЭМИН

Душа отчизны

Кто в жизни подымался в гору,
Тому знакомо чувство это:
Когда уже предстала взору
Вершина, вся в потоках света, —
И сердце бьется, вьется васкомом,
И увлеченный восходимьем,
Последние шаги поднимая
Ты делаешь одним движеньем.
Сегодня вся страна большая
Идет к вершинам коммунизма,
А вперед Москва родная
Душа моя — душа отчизны!
Она всех ближе к славной цели —
Источник юности и силы,
И что мы в пять свершить хотели,
Моя Москва уже свершила.
...Как солнце, что, сияя равно,
Навстречу путникам летит,
Великий вождь глядит любовно
На озаренную столицу.

Перевела с армянского В. ЗРИМЦЕВА

Движение за экономю средств в колхозах

На владимирской земле зародился и развивается все шире и шире новое патристическое движение колхозного крестьянства. На знамени этого движения два слова — экономия и бережливость.

Колхозники петроковского сельхозрайона «13 лет Октября» Муромского района, обсуждая итоги деятельности своей артели за 1948 год, установили, что больше средств затрачено были нерационально, неземном. Оказалось, что весь простейший сельскохозяйственный инвентарь — телеги, сани, сбрю, колеса — можно было производить в колхозных мастерских собственными силами. Деньги же, предназначенные для покупки этого инвентаря, следасто расходовались на приобретение племенного скота, удобрений, для нужд строительства.

Молодежь этого колхоза объявила войну расточительности и безхозяйственности. В плане работы комсомольской организации намечено провести действительные мероприятия, направленные к единой цели — сберечь колхозную копейку, приумножить общественные накопления; здесь и организация производства инвентаря, и строгий учет расходования средств, и контроль за рентабельным использованием машин, и подготовка кадров новых профессий непосредственно в артели.

Вслед за петроковцами в этот поход за экономю колхозных средств включились колхозники фелдосейского артели «Новый путь» Юрьев-Польского района. При содействии своих сельхоз-рабочих фабрики «Ангард» — они нашли больше резервы для новых начинаний. По примеру промышленных предприятий и МТС, колхозники приступили к более рациональной организации ведения хозяйства, а также усилили борьбу с потерями.

Весть об этом походе облетела Владимирскую область. Тысячи молодых колхозников открыли индивидуальные лицевые счета бережливости. Комсомольские организации растащили на важнейших участках колхозного производства контрольные бригады и посты по экономии.

Начиная с этого года в петроковском и фелдосейском колхозах приезжали гости из Костромской, Горьковской, Ярославской, Калужской областей, — здесь есть чему поучиться, набраться опыта.

Владимирский обком ВКП(б) созывает областные совещания председателей и счетов работников колхозов. На повестке дня вопрос о борьбе за экономю в колхозном производстве. В работах совещания участвуют также и представители соседних областей.

Новое движение за экономю средств в колхозах — это еще один яркий пример неискаемой творческой инициативы советских людей.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Вильнюс. Литовское государственное издательство художественной литературы выпустило в переводе на литовский язык серию книг писателей братских республик. Вышли в свет большими тиражами произведения: узбекского писателя Аббека «Навои», таджикского писателя Аян «Смерть рогатника», латышского писателя Райниса «Путь в цитадель» и другие. Готовится к изданию литовское издание ряд произведений писателей и поэтов Белоруссии. Среди них — книга лауреатов Сталинской премии Ивана Янушкевича и Максима Танка.

◆ Южно-Сахалинск. Здесь организован учительский институт. При нем созданы факультеты — русского языка и литературы, исторический, физико-математический.

◆ Фергана. Исполнилось пятьдесят лет со дня открытия местного исторического музея. Открыт в его залах размещено более десяти тысяч экспонатов, рассказывающих об истории края, о великих преобразованиях, происшедших за годы советской власти в городах и кишлаках Ферганской долины. При музее имеется большая историческая библиотека.

◆ Баку. В городском художественном салоне открылась выставка картин молодых художников Москвы, Ленинграда и союзных республик. Выставка пользуется большим успехом.

◆ Самарканд. Народные поэты и певцы Зершанской долины слагают новые песни, посвященные Узбекской республике, отмечавшей в этом году свое двадцатипятилетие.

◆ 70-летний Ислам-шаир сложил песню «Убекистан» — о грандиозном социалистическом преобразовании республики. Певец Фахриддин Юлдаш-Оглы и молодой поэт Мухаммад Шарипов в своих песнях воспевают замечательных мастеров высоких урожаев хлопка.

◆ Львов. В селе Заболотцы открылся рентгеновский кабинет. Сельским жителям, нуждающимся в просвечивании или рентгеновском, теперь не нужно ехать во Львов. Все необходимые процедуры проводятся на месте. Это 24-й новый сельский рентгеновский кабинет в области.

◆ Ужгород. Закарпатские археологи во время раскопок на территории ужгородского замка-музея обнаружили относящиеся к VIII—XII векам нашей эры фрагменты славянской керамики, серебряные монеты, бронзовые украшения, развалины печи для выпалки железа с большим количеством жидкого металла вокруг. Все это свидетельствует о том, что Закарпатье имело высокую культуру, связанную с культурой Киевской Руси.

Древние славянские памятники найдены также на Ратанке и в Гадагове — предместьях Ужгорода.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Ты первую пришла к вершинам пятилетки!

Моя Москва!
Великий город мой!
Как мне назвать тебя теплой и
как показать характер твой прямой,
твой строгий лик,
твой грозный возраст древний!
Люба тебя, я бил врагов в бою,
я рисковал во имя жизни кровью,
чтоб выразить тебе признательность мою,
чтоб любовь и преданность сыновью,
Я поднимался выше облаков,
я охранял тебя, столица дорогая,

в крошечной томе со стойбища врагов
оскляченные бомбы извергая,
Я помню, помню вид твой боевой
в стальной броне и в стёганой солдатки.
И вот опять стоишь ты предо мной
еще прекрасней, чем была когда-то.
В сиянии трудового торжества,
в широкой зеленой одежде,
ты с каждым днем становишься, Москва,
свежей и ослепительней, чем прежде.
Подлинница и труженица, ты
топишь путь и умножаешь воды,
возводишь здания вечной красоты,
упрамо строишь фабрики, заводы,

Еда ли я сравнение найду,
еда ли напишу стихотворенье,
в котором выражу всю страсть твою к
труду,
стройный порыв и вдохновенье.
Рука твоя крепка, душа твоя светла,
глаза твои и пристальны и метки.
Москва моя! Ты первую пришла
к заманчивым вершинам Пятилетки.
Кремлевские звезды могучие лучи
нам освещают путь. И, обгоняя время,
вперед шагают москвичи —
испытанное сталинское племя.

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

Десять часов. Министр Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза тов. А. М. Васильевский принимает рапорт командующего парком Маршала Советского Союза тов. К. А. Мерцкина. «Ура!» — перекатывается по колоннам построенных войск в ответ на приветствие министра, обжигающего рады.

Поднявшись на трибуну, Маршал Васильевский говорит о всемирно-исторических победах советского народа и о прорисках подвижателей новой войны. Гремят залпы артиллерийского салюта над древним Кремлевским холмом.

И войска строевым шагом — колонна за колонной — движется мимо трибуны. Идут нехотицы, тапкаты, летящие моряки... Суворовы и нахимовцы... И когда колонны чеканят шаг, — с подмоноккных аэродромов поднимаются воздушные корабли.

За штурвалом флагмана — командующий воздушным парком гвардии генерал-майор авиации В. И. Сталин. В строю — тяжелые бомбардировщики, стремительные штурмовики и истребители. А затем — новым, несведомого еще темнотой рокомтом полнится небо, и над площадью появляются реактивные самолеты, с крыльями, подобными крыльям чайки.

Винку, по камням Красной площади проносятся кавалеристы. Белые коши, сапорожные четверки, выскучат за собой овежные романтической славы тачанки. А следом выступают на площадь моторизованные части, артиллерия всех калибров, фантастического вида «катюши», танки, огромные, словно плывущие по мостовой корабли.

А когда, заключая марш воинских колонн, сводный оркестр покидает площадь, — от Истринского музея, вновь заливая всю Красную площадь от края до края, вступает могучий поток демонстраций москвичей. Оранжевыми знамя столицы возглавляет колонны. Знамена московских районов образуют как бы шумящий шакаловый лес. Престарт майки физкультурников. Цветы подняты высоко над головами.

Во взглядах, в жестях, в неутомных волегах, раздвигаясь из колонн, выражается великая сила любви советского народа к своей отчизне, к партии, к тому, в чьем имени воплощены все наши победы, все свершения, все счастье советского человека.

И великой любовью отвечает советским людям товарищ Сталин. Он улыбается детям. Он разговаривает с ними. Он показывает соратникам, стоящим с ним рядом: вот оно, будущее советской земли.

В одной из колонн идет гармонист. Он играет до тех пор, пока не поравняется с трибуной. Но вот он увидел: — Сталин! И он забыл про свою гармонь, весь охваченный одним желанием: вобрать в себя ушести с собой память об отеческой истинской улыбке, дающей вдохновение и силу. Но и сам Сталин тоже заметил гармониста. Он понял его чувства и, смеясь, показывает ему с трибуны: а гармонь-то, гармонь — забыл! И, изливая огромную силу счастья, словно побесовав со Сталиным, — гармонист во все расстигивает мех, и звук гармонии доходит до самой трибуны, и теперь аллоисменгами отвечает гармонисту товарищ Сталин...

Последние колонны демонстраций проходят в сумерках. А на темнеющем небе Москвы зажигаются огни праздничной иллюминации. Рубиновые звезды освещают празднике с башен Кремля, и дождь разноцветных огней рассыпается в вечернем небе, отвечая на залпы салюта.

Ночесчаемиые источники сондательных сил, миролюбие нашего народа и его готовность защищать плоды своего мирного труда от врагов человечества — вот о чем говорил миру план Первоймай. И об этом вновь рассказывает великолепный, поистине волшебный фильм.

«Первое мая» (документальный фильм о Первомайском празднике 1949 года в Москве). Режиссеры И. Степанов, Л. Степанов. Главные операторы И. Беляков, Текст Е. Краева, Ю. Каравкина, читает Л. Жара. Производство Центральной студии документальных фильмов.

На заседании президиума

На заседании президиума Союза советских писателей СССР 16 июня были приняты в члены союза писателей: С. Болдырев—автор книги «Дорога к большой реке», Л. Коробков—автор книги «На малой земле», прозаик Н. Антонов (Смоленск), детский писатель И. Дж. Ф. Наседкин — автор книги «Большая семья», очеркист П. Никитин (Ростов-на-Дону), прозаик и драматург И. Ирошников, драматург Н. Вязников (Краснодар) и другие.

Молодые поэты Армении

На заседании Армянской комиссии ССП СССР под председательством В. Каверина обсуждались новые стихи молодых талантливых поэтов Армении Георга Эмина и Сильвы Капутикян.

Докладчик Е. Долматовский отметил, что новые стихи Георга Эмина написаны на самые острые темы сегодняшнего дня: дружба народов, борьба за мир, свободный творческий труд советского человека. Особенно хороши те его стихи, где поэтический язык сочетается с философией. Е. Долматовский поставил вопрос о переводе, о том, что некоторые переводчики обедняют оригинал. К примеру, талантливого стихотворение Г. Эмина «Мой долг» (где говорится о священной долге поэта быть стражем мира и человеческого счастья) сильнее звучит в подстрочнике, чем в переводе Б. Серебрякова.

О новых стихах Сильвы Капутикян сделала сообщение Н. Чукоский, отметивший большой творческий рост поэтессы. Ее новые стихи отличаются идейной глубиной и художественной цельностью. Капутикян почти сбалансировала от усложненной символики и вступила на путь реализма. Радует цикл ее стихов, посвященный Москве. Поэтесса воспекает величественный светлый город, солит мира во всем мире, доблестный труд советского народа. С большой искренностью говорит в своих стихах Капутикян о благотворном влиянии русской культуры на другие народы нашей страны.

В прениях выступали В. Каверин, Я. Смеляков, П. Шубин, В. Брагинян, М. Петровых, В. Звягинцева и другие.

Три номера альманаха «Дружба народов»

Вышли в свет три номера альманаха художественной литературы народов СССР «Дружба народов» за 1949 год.

В первом номере напечатаны повесть украинского писателя Д. Ткача «Глемя сильных», стихи Гургена Борояна, М. Бажаева, Максима Танка, Сайры Кулаша, П. Габика, А. Бельвина, А. Зарикова, М. Лукянина; опубликованы также новелла латышского писателя Арида Григулеса «Покос в утро Ивановы дня» и «Открытие писателю исландскому Халдору Лакснессу» Георга Эмина. В этой же книге помещены материалы XII пленума правления ССП СССР.

Во втором номере альманаха напечатаны роман казахского писателя Габдене Мустафина «Миллионер», стихи Г. Леонидова, статья Мухтара Ауэзова «Трагизм русского реализма и казахская литература», «Защитки об азербайджанской советской литературе» Мехти Гусейна, рецензия Я. Сударькина на книгу стихов К. Самойлова «Друзья и враги». В разделе «Теория и критика» помещены статьи Л. Дмитренко «Состояние и задачи театральной и литературной критики на Украине» и П. Ковалева «О провенциях космополитизма и формализма в театральной и литературной критике в Белоруссии».

В третьем номере опубликованы роман азербайджанского писателя Мехти Гусейна «Ашкеры», подборка стихов о Пушкине Гамзата Чаласая, Ахмед Ариева, Сулеймана Рустама, Яниса Палаудиса, Максима Рильского, Сайры Кулаша, Эдди Огнечев и других. В номере широко представлены высказывания видных писателей нашей страны о Пушкине.

видных человеческому глазу, устремленному в ночное небо. А прокатчики! Свою восьмичасовую смену они разделяли на секунды, на мгновения, каждое из которых работает на нас. В клеть прокатного стана с беспумной скоростью входит насквозь светящийся стальной болванка, входит и выходит — одна за другой. И валы стана прокатывают их до той поры, пока они не примут нужную человеку форму и станут балкой, рельсом, морским канатом, тончайшей проволокой.

3.

Не только в производственных буднях протекает жизнь заводского коллектива. Рабочий, исчисляющий свою смену по секундам, пенит каждую минуту суток; свободное от труда время он отдаст учебе, отходу, спорту. На заводе есть команды футболистов и волейболистов, есть и пловцы и бегуны, но один из самых любимых видов спорта — горький. Вальцовщик Петр Строчков — чемпион СССР по горькам. Недавно, когда отмечался 50-летний трудовой юбилей токаря Сергея Кузьмина, не все рабочие, занятые в трех сменах, смогли присутствовать на торжественном собрании. Но те, кто не имел возможности поздравить Сергея Кузьмина в красном уголке, жали ему руку и обнимали на городской площадке.

Тысячи серпомолотовцев, работая, участвуя в металлургическом институте, техникумах, на курсах и одновременно занимают политической учебой. Над сценой огромного клуба металлургов укреплены отлитые из нержавеющей стали слова: «Искусство принадлежит народу».

На заводе, пожалуй, нет ни одного рабочего, который не посетил бы хоть несколько раз в год Большой. Художественный и другие театры. Недавно на заводе вспомнили о бывших участниках художественной самодеятельности — нынешних артистах столицы — и решили организовать их силами концерты. Оказалось, что только в московских театрах, московских ансамблях и московских хорах столько драматических, оперных и балетных артистов, ушедших на профессиональную сцену с «Серпа и молота», что в клубе завода уже остаются несколько концертов с выступлениями отдельных воспитанников «Серпа и молота», а сейчас готовится целый концерт в двух отделениях с их участием.

4.

Партия и государство ценят мастеров проката и литья. Старый печник — он когда-то складывал заводские мартены, — директор «Серпа и молота», депутат Верховного Совета РСФСР Г. М. Ильин награжден пятью орденами, из них три ордена Ленина. Подойдите к любому сталевару средних лет и спросите, какие награды получил он от страны? Несколько сот рабочих и инженеров завода носят ордена Ленина, и здесь не редкость увидеть металлурга, грудь которого украшена двумя-тремя высшими орденами социалистической державы. Недавно 1542 серпомолотовца получили ордена и медали за выслугу лет и безупречную работу в металлургической промышленности.

...Когда вы будете проезжать по железнодорожному мосту через Пахру, знайте, что он вышел из цехов «Серпа и молота»; когда вы будете на станции метро «Площадь Маяковского», не забудьте, что она облицована нержавеющей лентами завода, — вспоминайте об этих людях, с сталеварах, вальцовщиках и дистрокатчиках завода, расквашенного у заставы Ильича. Для этих людей новаторство стало правилом жизни.

МОСКВА, завод «Серп и молот».

Ярослав СМЕЛЯКОВ, Александр ФИЛАТОВ

жизном поступательном движении народа, о победном марше этого труда!

Но и это, как решил металлургии, не предел. Сейчас у них в руках новый метод — применение кислорода для интенсификации мартеновского процесса, метод, разработанный группой инженеров завода под руководством академика Ивана Павловича Бардина. Весной этого года правительство присудило академику Бардину, профессору Трубину, начальнику лаборатории Центрального научно-исследовательского института черной металлургии А. М. Яковлеву, Бардину, Лебедеву, Маментеву, Тункову Сталинскую премию первой степени за разработку и применение этого метода. Новая технология, вышедшая из огнеупорной колбы первого мартеновского цеха, шагает теперь на все заводы Союза. Инженеры листопробного цеха во главе с П. А. Прокопавичем освоили имеющий всеобщее значение новый метод травления стали.

Поиски нового, открытия и исследование давно стали повседневностью, правилом жизни и бытом всех цехов завода, всех людей и в первую очередь коммунистов.

Вот почему завод «Серп и молот» ставится не только как завод-производитель высококачественных сталей, а и как завод-лаборатория, завод-школа, куда ежедневно приезжают посланцы металлургических предприятий страны учиться мастерству, совершенству стальной заготовки.

2.

В этой школе, конечно, участвет не только приезжие, но и сами серпомолотовцы. На гуковском заводе сильнее очки давали только сталевару и его первому подручному. А у второго и третьего подручных, не говоря уже о рядовых рабочих, таких очков не было; мало того, сталевары сами боялись отдавать — хоть на минуту — свои очки, чтобы они, подручные, не дай бог — не проникли в секретные варки стали и не вытеснили бы учителей...

Обер-мастер цеха ходит сейчас возле мартенов, в которых плавят сталь молодые сталевары, и по-отцовски, по-партийному воспитывает их. Завод дал всем им не только сильные очки сталеваров — обер-мастер, как и все кадровики, отдаст им свои прозрачные глаза и тихо говорит: «Нá, сынок, гляди в свое будущее».

И совсем не удивительно, что в соревнованиях выходит на первое место бригада Анатолия Субботина — молодого сталевара завода, на этот раз обогнавшего своих учителей. Имя Анатолия Субботина назвали трудиющиеся столицей в своем письме вождю народов товарищу И. В. Сталину. И вместе с бригадой молодого сталевара выходят на первое место бригады старших кадровиков А. Овчинникова и Т. Гребенкова. Такие люди, как Субботин, составляют славу завода, и благодаря труду таких людей совершаются большие и знаменательные события: труженники Москвы, посылая свое письмо товарищу Сталину, в списке предприятий, досрочно выполнивших послевоенную пятилетку, ставят среди других и «Серп и молот».

Вся без глубокого уважения и восхищения следит за искусной работой сталеваров и прокатчиков. Они — повелители стихии огня, они подчинили огонь своей воле, своему большевистскому характеру. Мастер-сталевар и его подручные стоят во время выпуска плавки, окруженные светящимися искрами стали, летящими по параболам; таким количеством искр в каждую минуту, которое, вероятно, превышает количество звезд,

там начались дожди, самолет не мог лететь, и Смед приехал в Москву, когда в вузах уже начались экзамены и прием заявлений был давно закончен. В прошлый вечер, когда друзья его отца собрались у очага в отцовской старейшей кухне с земляным полом и паропроводной крышей, старик Екуп Мирра рассказывал страшную историю о том, как в давние времена одному горцу тоже захотелось отвезти сына учиться в большой город, как его там обидели, ограбили, унижили до того, что он бросился в море. «В городе два десятка тысяч человек, и никому нет до тебя дела. Вот что значит большой город!» А в поезде один из пассажиров с интересом расспрашивал Смеду и, глядя на него, вспоминает об одном архангельском мальчике, который двести лет назад прибрел в Москву пробовать себе дорогу к знанию. Но «у того архангельского парнишки ничего не было за спиной, только сугробы», а за Смедом «стоит народ». Смед знал о Ломоносове, но «представлял себе такое положение, что за твоей спиной нет ничего, кто бы о тебе болел душой, он не мог по недостатку подобной опыта».

Современному представителю советского Сакена, где судьбой его заняты все, где он нужен всем, где он сам и его знания — общественное достояние, действительно, трудно почувствовать себя одиноким. И все-таки, когда поезд пришел в Москву и «миллионглазый» город глянул на Смеду, молодому сакенцу стало тревожно. Как встретит Москва нежданного гостя? И что это за город—Москва? Сколько молодых людей со всей обширной нашей родины в разное время и с разных сторон везали в Москву! Сколько об этом вспоминали, сколько литературных судеб начиналось с приезда в Москву! Сколько разнообразных чувств и мыслей!

Ныне Москва уже не только «сердце царства русского», как писал Белинский,

Добрый город Москва

а сердце коммунизма, столица, любимая всеми народами. Смеду Кулаба, гостя в ликих и недоступных высот Кавказа, встречала Москва социалистическая. Повесть Г. Гула «Добрый город» и посвящена, как принято говорить в традиционной литературной манере, «похождениям Смеду Кулаба в Москве». В этих «похождениях» прежде всего очень много хождения, ибо быстрый сакенец успевае обойти и объездить всю Москву. Если даже исзак в жизненные ситуации традиционные литературные «положения», то окажется, что приезжаем из Сакена приходится испытывать многое, что случалось и раньше... он проводит свою первую ночь в Москве... на улице, вернее, на Красной площади, на набережной, около Кремля, он устал, «приличная, пусть даже не очень мягкая подушка и жесткие нары сейчас хорошо пригодятся бы...» Но, ведь, это вовсе не потому, что ему некуда деваться. «Вы приехали в город, где вас ждут отец, мать, родные. Вы пойдете к ним, прежде всего к ним. Не правда ли? Ног сами понесет к ним, сама душа будет рваться к ним. Вот я и думаю: сначала—Красная площадь, а потом — все остальное», — так говорит, так чувствует Смед.

И вот он на Красной площади. «Он подтянулся, поправил ворот пальто. И похода его стала совсем иной... Медленно, очень медленно идет сакенец, словно вихорит на Эльбурсе. Не оттого ли захватывает дух? Не потому ли кружится голова? Кремлевская стена стоит перед ним, будто вырубленная из красной скалы в горах: твердая и неприступная, как дух народа. Смед благоговейно снимает фуражку... Там, в Сакене, мастера «ую» электростанции, он думал об этих кремлевских звездах... И ему кажется сейчас, что в тех стабых лампочках, которые он, Смед, засветил в сакенских домах, горят отблеск этих звезд, что эти звезды дали его лампочкам свою силу». С такими чув-

ствами стоит он перед Кремлем, ходит всю ночь по Москве, ранним утром выходит в московскую жизнь, оглядывая ее похозяски. И читатель ясно видит: это уже не тот одинокий пришелец большого города, о котором писали в старых книгах, о котором на Западе пишут и сейчас с тоской и страхом. Автору-сакенцу ничего боится за своего земляка: Смед по-другому воспитан, он благожелателен и доверчив не так, как добродушный провинциал в старых французских книжках, — он просто чувствует себя среди своих, среди таких же советских людей, и это горное доверие к людям не только не ставит его в смелные и незлые положения, а, наоборот, заставляет москвичей внимательно смотреть на этого молодого горца, вызывает у них нежность и невольное уважение. Веру в Москву и в советского человека разделяют со Смедом все, с кем ему доведется встретиться в Москве. Вот почему он хорошо себя чувствует в этом городе, с москвичами, с ночным сторожем на набережной, и с «художником»-чертежником Высоким, показывающим Смеду свои зарисовки людей в бесчисленных поездках по земле, «у которой человек берет то, что она скрывает в своих недрах». Хорошо Смеду и с семьей Левушки, которую он встретил в Москве и полюбил, и с ее товарищами, и со старым профессором Феликсом Федоровичем, консультантом в Министерстве сельского хозяйства. Профессор берет Смеду в электротехнический институт, чтобы опоздавшему Смеду сделали исключение и допустили к экзаменам. «Же наш общий долг», — не говорит, а решает Федор Федорович. «Мы не знаем, убедит вас. Поймите меня правильно. Человек не ехал, а буквально полз по горам. Вы на его месте, Семен Савельевич, непременно свалились бы в пропасть, а он не свалился, добрался до Москвы. Они до революции и школу-то в глаза не видели, а теперь случается к вам в двери. В чем моя прось-

ба, в конце концов? Допустить в экзамен. Выдержит — мыслить просим, нет — до свидания». Смеду допускают к экзаменам. Но, как говорит автор, «у нашей истории есть одно неоспоримое качество: ее правдивость. Москва идет навстречу молодому сакенцу, она готова принять его, теперь все дело в нем самом. Москва не хочет делать ему снисхождения из-за отсталости, она хочет с ним быть равные, она должна с ним быть справедлива и ровна, как мать к своим детям, которые ей дороги одинаково». У Смеду, к сожалению, «два грешка»: тройка по химии и четверка по английскому. Не сам ли Смед говорил учителю химии: «когда полагается два, а ставят три, — это несправедливо по-бабски...» Смед не выдерживает экзаменов по химии и по английскому языку. Он возвращается в Сакен. Но удивительное дело! «Не похож наш Смед на неудачника, ни с какой стороны его не похож... В Сакене возвращается не тот Смед, который две с лишним недели назад покинул наш места. Смед решительно переизменился. В чем? — спросите вы. Не знаю», — говорит автор. Но читатель знает это сам, вернее, очень хорошо чувствует. Москва — большой и добрый город — поддержала, обогатила, научила, образовала нашего героя, она сдружила его со многими людьми, она укрепила в нем желание учиться и служить родине. Старые истории молодых людей, пришедших в большой город, кончались обычно печально: город отсушал их, поминал под себя, унижал и унижал до последнего, и только когда вывалил из них молодость и свежеть, радость жизни и веру в людей, в добро и в счастье, жалостливо бросал им выносок жакетку по податку в виде какого-нибудь «договорного места». Новая, сегодняшняя история молодого советского юноши Смеду из Сакена, кон-

Вера СМЕРНОВА

Георгий Гула, «Добрый город», повесть. «Новый мир», № 5, 1949.

Да здравствует Горький!

Горький привнес с собою в литературу неслыханное богатство — целый мир новых идей, новых образов, тем, сюжетов, эстетических и моральных норм, по-новому поставивших все вопросы литературного развития. Он привнес с собою в литературу **нового героя истории**, представителя героического русского рабочего класса.

Он не сразу пришел к этому. Молодой Горький, Горький девятидесятых годов, собравший в своей душе все взрывчатые силы предреволюционной эпохи, всю страсть и энергию великого народа, готовившегося к своему подвигу — к революции. Горький этого периода был анат упорными мечаниями, выработкой мировоззрения, художественного стиля, поисками героя. Он мечтал о **героическом** — о героических людях, сильных, цельных и великодушных, способных к беззаветной борьбе с проклятым собственническим миром; он искал реальную силу, которая могла бы возглавить борьбу с хозяевами старого мира.

Творчество Горького — живой документ, запечатлевший исторический процесс, содержание которого заключается в том, что русский народ пошел за партией рабочего класса, за партией большевиков, как за своей совестью, разумом, правдой.

На первых порах Горький воплощал мечту о героическом человеке в легендарных, романтических образах. Так возник образ юноши Данко. Каждый раз, когда мы вспоминаем эту простую и мудрую легенду, она рождается в нашей душе вновь, чтобы жить вечно. Эта легенда с детских лет входит в наш внутренний мир, становится частью нашей души.

Люди заблудились в темном, дремучем лесу. Их преследуют дикие авери. Льет дождь, гремит гром. Юноша Данко взялся вывести людей из леса. Но очтаиние охватывает их: нет выхода из тьмы.

«— Что сделаю я для людей?!» — сильнее грома крикнул Данко.

И он вырвал сердце из своей груди и поднял его, как факел, освещающий людям дорогу к свету и свободе. И люди пошли за горящим сердцем юноши Данко, и оно ввело их в солнечную долину, где их ждало счастье.

Так молодой писатель осветил начало своего пути пылающим факелом нового гуманизма и сразу же противопоставил этот гуманизм бесчеловечности звериного, хищнического мира. В другой сказке старуха Изергиль рассказано о хитринке Ларре — образ, в котором Горький развенчал взвешивающую тогда в моду проповедь «сверхчеловека», «сверхъчеловека» к господству над людьми, «философию» маркеса Ницше, дузового отца немецкого, американского и всяческого иного фашизма.

На рубеже двух столетий, в начале девятидесятых годов, начался новый период в творчестве Горького, когда он выступил уже в качестве сознательного знаменосца рабочего класса — истинного героя новой эпохи. Ленинская «Искра», знакомство Горького с произведениями Ленина предшествовали этому. Мечта о героическом человеке, борющемся с проклятыми устоями старого мира, о Человеке, готовом сердце свое отдать для счастья людей, — эта романтическая мечта воплощалась уже в реальных, земных образах — паровозного машиниста Гила, героя пьесы «Мещане». Сидорова — профессионального революционера-подпольщика из пьесы «Варуга», Павла Власова, рабочего-большевика, героя романа «Мать», большевика Кутузова из эпопеи «Жизнь Клима Самгина», Рабиновича из драматургической трилогии и во многих других образах лучших, передовых людей русского народа. И в каждом из этих земных, реалистических образов билось героическое, романтическое сердце юноши Данко — великое сердце, наделенное всеобъемлющей силой любви к людям и ненависти ко всему, что стоит на пути к человеческому счастью. Герои Горького овеяны романтикой, романтикой новой эпохи, прославляющей человека и лучшее в человеке: борьбу, труд, творчество.

Невозможно переоценить значение пьесы «Мещане». Впервые в мировой литературе предстал образ передового революционного рабочего. В лице Гила, главного героя пьесы, в литературу пришла те миллионы «маленьких великих людей», которые, как говорил Горький, создают все ценнейшее, все разумное и прекрасное на земле. И пришла они уже не только в качестве «униженных и оскорбленных», какими их рисовала пренебрегающая литература, — нет, они предстали в новом историческом качестве застраивающих хозяйев своей Родины.

Весь образ Гила был пропитан той огромной творческой, новаторской, революционной энергией рабочего класса и широких народных масс, о которой товарищ Сталин сказал в 1901 году: «...великая энергия рождается лишь для великой цели».

Дерзкие, революционные, новаторские формулы Гила, казались, произносились вместе с ним миллионы людей:

«Хозяин тот, кто трудится...»

«Быть может, никогда еще до этого не было в литературе столь весомых слов... «Правд» не дают, правд берут...»

«Нет такого расчленения движения, которое бы не изменилось!»

Это было радостное, гордое провозглашение нового мира, нового, революционного, творческого отношения к действительности людей, осознавших себя не жертвами истории, а ее творцами. Сама профессия Гила имела символическое значение, — гитаром он так поэтизирует свою профессию и связанный с ней образ неудержимого движения вперед! За фигурой Гила стояла те, кого можно назвать **машинистами истории**. Гил говорит Татьяне Бесеменовой:

«Всякое дело надо любить, чтобы хорошо делать. Знать, и ухаживать любовью. Пред тобой красная, бесформенная масса, заля, гучая... Бить по ней молотом — наслаждение. Она плывет в тебе шипящими, огненными плывками, хочешь выжечь тебе глаза, осветить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И ты сильными ударами с плеча далаешь из нее все, что тебе нужно...»

Исклчительно глубоко, новаторское, многостороннее содержание выражено в этих словах. В них речь идет и о радости, захватывающем счастье труда — реального труда рабочего, труда, отдающего горючо в капиталистическом мире и все же дающего радость тому, кто верит, что скоро этот труд будет служить народу. Родина, будет свободным. Труд, о котором говорит Гил, является творчеством. В образе живой, раскаленной, упругой, властью притягивающей к себе и сопротивляющейся, жаждущей оформления материи выражена сама жизнь. Действительность открывается перед горьковским героем, как прекрасный, чудесный материал для формовки, для творчества. Делать, лепить, выковыривать из нее все то, что нужно тебе — человеку, пришедшему в мир для того, чтобы выковать счастье людям, — таковы отношения к действительности нового человека, творца.

«Мя, рабочие! — люди, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек... Победим мы, рабочие! Ваши доверители совсем не так сильны, как им кажется. Та же собственница, накопляя и сохраняя которую они жертвуют миллионам поработанных ими людей, та же сила, которая дает им власть над нами, возбуждает среди них враждебные течения, разрушает их физически и морально... Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединит разрушенный вами мир во единое великое целое и это — будет!»

Горький по-новому показал миру русский народ так, как не показывал его и не мог показать ни один из писателей прошлого. В горьковских произведениях русский народ предстал, как народ-труженик, наделенный богатейшей творческой силой. Россия возникла в картинах, живописных Горького, как страна строгих, истовых мастеров с золотыми руками, страстно влюбленных в труд, в мастерство, в творчество. И все усиливаясь в произведениях Горького, все более мощно и полно звучала героическая симфония всеобъемлющего труда.

Тема труда развивалась, изменялась в его творчестве. Молодой Горький, испытывая на своем собственном опыте всю катушку подпольного, робкого труда, остро чувствовал и подчеркивал в своих ранних рассказах **пронятие** труда в буржуазном мире. Отчасти именно этим объясняется его пристальный интерес к людям вроде Чекаша, отказывавшимся от какого бы то ни было труда, потому что труд был рабским.

Но все более углублявшаяся связь Горького с партией рабочего класса, с идеями марксизма-ленинизма помогла ему увидеть и другую сторону труда в буржуазном обществе — труда, объединяющего людей для революционной борьбы. Горький создает произведения, которые звучат, как торжественный гимн во славу богатого русского трудового народа, его беспредельных творческих сил.

И вот в наше советское время обиднее все вещи предсказаны, все сказанные мечты. Люди, подобные Гилу и Павлу Власову, стали хозяевами родной земли, они украсили ее прекрасными дворцами и городами, партии Ленина — Сталина освободила все чудотворные силы народов нашей страны, высоко подняла значение труда и творчества во имя социалистической Родины. Горький стал страстным пропагандистом всех великих движений нашей эпохи, он глубоко понял смысл стихающего движения, обозначающего могучую поступь коммунизма, странную грань между физическим и умственным трудом, превращение труда миллионов простых людей в радостное, смелое, свободное творчество. Он выступил со статьей, посвященной гениальной речи товарища Сталина на первом сталинском совещании. Друг и ученик великих вождей народов, Ленина и Сталина, Горький видел в них мудрых творцов нового мира, гениев, равных которым не знала история человечества, воплотивших все лучшие мечты поколений. В 1934 году в статье «Правда социализма» Горький писал:

«Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив агрессию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии... Отлично организованная воля, провидительный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет только разбираться в сложных качествах

людей и воспитывая лучшие из этих качеств, бесстрашно бороться против тех, которые мешают первым развиваться до высот, — поставили его на место Ленина».

«Великая сила любви к трудовому человечеству и бесстрашной ненависти к врагам руководства Горьким. Он был первым писателем, который художественно открыл истину, заключающуюся в том, что в эпоху загнивающего капитализма, в эпоху империализма буржуазные «верхи» и их агентура окончательно утрачивают какие бы то ни было связи с человечеством, с культурой,

Фото Э. Евзерихина.

с трудом, со всем тем, что образует человека и человечество: они презираются, употребляя часто встречавшиеся у Горького выражение, в человекоподобных выродков, отщепенцев от человечества. Уже в пьесе «Варуга» столкновение двух лагерей — рабочего класса и буржуазии — было дано Горьким в этом аспекте: противопоставлены люди и не-люди. Один из героев романа «Мать», перифразируя досуг — международному пролетарскому единству, говорит: «Люди всех стран, соединяйтесь!»

Все, что враждебно труду и культуре, т. е. тому, что отличает человека от животного, терпит все человеческое, — эта мысль была глубоко характерна для Горького с его пафосом Труд и творчество Человека.

По канонам старого гуманизма полагалось даже в самом отвлеченном меланже отыскивать нечто «человеческое». Критик И. Страхов писал, что величайшей заслугой Достоевского является то обстоятельство, что Достоевский **никого**, в том числе мучителей, захребитников, садистов, распотешил детей, — вообще никого «не ставил в положение не-людей». Горький, основоположник нового, революционного, социалистического гуманизма, не мог бы принять в свой адрес такой комментарий от буржуазной критики: он как раз ставил человекоподобных мерзавцев буржуазного мира «в положение не-людей», раскрывая их бесчеловечную, противчеловеческую сущность, враждебную самому существованию людей на земле. Он подчеркивал эту свою мысль множеством примеров, раскрывая в своих художественных произведениях процесс разложения человечности у буржуазных «верхов» и возвращаясь к этой мысли во множество своих статей. В одном из своих памфлетов он говорил, например, что чрезвычайный Уинстон Черчилль — это «попелухо» уже не человек, а что-то нечеловеческое худшее, он — весьма характерен как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов».

В блестящем памфлете «Пролетарская панорама» Горький характеризовал хозяев современного буржуазного мира, как международную шайку преступников. «Ищем ли мы правду, — спрашивал он, — невидящих этих очкариков, нечеловеческих дегенератов — выродков человечества, эти безответственные международную шайку явных преступников...»

И отвечал:

«Наша революционная, пролетарская ненависть к тем, кто создает несчастья и страдания людей, должна быть противоположена звериной, своекорыстной, большой ненависти мира капиталистов, загнивших от ожирения, осужденных историей на гибель».

Господа с Уолл-стрит, которых Горький называл **низлобной Амриной**, их «цивилизация», охарактеризованная Горьким как «самая уродливая цивилизация нашей планеты», их пресса, о которой Горький говорил, что она «исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого», — все это царство «Желтого дьявола» Горький подвергнул всестороннему разоблачению в своих статьях и памфлетах.

Правдивое слово Горького живет в наших дни полной жизнью, оно находится на вооружении у простых людей всего мира, уможающих свои силы для отпора поднимающейся новой войны.

В сегоднешней борьбе за счастье народов, за мир, за труд вместе с нами, вместе с трудовыми людьми всего мира участвует неутомимый, неприменно грозный для врагов, страстно любящий, страстно ненавидящий, живой Горький!

Л. НИКУЛИН Памяти

Великого земляка

Высуская книга, посвященная истории наших областей, городов, замечательных земляков, слава которых стала всемирной, — прямое и почетное дело наших областных издательств.

Город Горький, в прошлом Нижний-Новгород, должен быть особо отмечен в нашей литературе. Здесь Кузьма Минин призвал народ к великим жертвам ради освобождения отечества от иноземных захватчиков; здесь жил и работал гениальный русский изобретатель Иван Кулибин; здесь родился и провел юные годы великий революционер-демократ Добролюбов.

Сюда, в Нижний-Новгород, приезжал Ленин. Здесь работал пламенный большевик-организатор Яков Свердлов. Здесь, в Сормохе, в 1902 году вспыхнуло красное знамя рабочей демонстрации.

В Нижнем-Новгороде родилась, жила и работала Мария Ульянова, связанная с городом, который теперь носит его имя. Здесь он встречался с Коренько, Чеховым, Шалагиным, Помиривичем-Данченко, художником Постером и другими замечательными деятелями русской литературы и искусства.

Книга «По горьковским местам», выпущенная Горьковским издательством, — серьезная и добросовестная работа. А. Сигорский обстоятельно исследовал Нижегородский период жизни пролетарского писателя. Автор книги рассказывает о пятидесяти местах города, связанных с жизнью и деятельностью великого земляка. Эти места — как бы живая иллюстрация к жизни и произведениям писателя. Как часто на страницах книг Горького, в его пьесах перед нами оживает старое Кузнецкое-Канашино, Сормоха, Звездинка, Успенский с/езд, быт и люд старого Нижнего-Новгорода! Автор восстанавливает обстановку квартир, где жил Горький в 1902—1904 годах. Это была эпоха, предшествовавшая революции 1905 года. Имя Горького было знаменем борьбы с царской властью.

Однако у этой ценной историко-биографической книжки есть и серьезные недостатки. В ней ничего не сказано о приезде писателя в Нижний-Новгород после Великой Октябрьской революции, об особом внимании писателя к его родному городу, его затратах на музей, библиотеку, о его встречах с рабочими Сормохи, Балахны, о последнем посещении города в 1935 году, после того, как Нижний-Новгород стал городом Горьким.

Как бы в развитие книжки «По горьковским местам», — написана Ф. Хитровским книжка «Домик Каширина».

Вот дом у Успенском с/езде. Этот «приместный одноэтажный дом, окрашенный гризоровой краской, с нахальною вычурной крышей и выпученными окнами» принадлежал деду писателя, Василию Васильевичу Каширину. Здесь прошло детство Алешки Пешкова. Дом этот знаменит миллионами читателей «Детства». Ф. Хитровский рассказывает о создании музея, о том, как кропотливо и любовно собирали предметы быта, как восстанавливались внутренний и внешний вид домика Кашириных, как старожилы, жители этих мест, помогали во всех мелочах, в деталях отразить давно ушедшую в прошлое эпоху.

Домик-музей был открыт в 1937 году. Незадолго до смерти Алексея Максимовича нарисовал по памяти план домика, с удивительной точностью восстановив расположение комнат, дверей и прилегающей переулка.

Ценнейший раздел книжки — запись посетителей. За десять лет существования домика посетило более 250 тысяч человек. Вот некоторые из записей:

«Глядя на эти вещи, мы сравниваем наше счастливое детство с тяжелым безотрадным детством Алешки, — пишет поэтесса города Горького, — и мы гордимся нашим детством, о котором заботится любящий друг советской детворы Сталин и коммунистическая партия...»

Артист московского Малого театра записал: «...Я видел домика Каширина, был у деду Алешки, был у чудесной душевной бабушки... Я воочию видел путь, который прошел с детства великий писатель земли русской!»

«Домик Каширина» — полезная и хорошая книжка. Она трогательно и любовно рассказывает о дорогом для каждого читателя уголке, где рос, страдал, мыслал Алешка Пешков.

Горьковское областное издательство все же в долгу перед родным городом. Два названные книжки — только начало. Промышленное и культурное значение города возлагает на издательство обязанность показать Горький на пороге второй половины двадцатого столетия, когда он стал одним из самых замечательных городов нашей советской Родины.

А. Сигорский. «По горьковским местам». 160 стр. Горьковское издательство. 1948 г.

Ф. Хитровский. «Домик Каширина». 108 стр. Горьковское издательство. 1948 г.

Новые материалы об Алексее Максимовиче

Новыми экспонатами пополнены музей А. М. Горького в Москве к 13-й годовщине со дня смерти великого писателя.

Наибольший интерес представляют новые материалы, рассказывающие о тесной связи Алексея Максимовича со своим народом в те годы, когда он по болезни жил за пределами родины.

Посетители музея видят географическую карту и на ней — свыше ста инет, протанутых от Сорренто к советским городам и селам, с жителями которых писатель вел оживленную переписку. Как бы отбывавшая перед советскими людьми, он общается в одном из писем:

«Здесь я кое-что сделал: написал четыре книги, кончил пятую, пишу шестую. И вот, когда кончу ее, разумеется, поеду домой и буду уже заниматься журналистикой в «Известиях» или в «Правде».

Неизвестные ранее фотографии, выставленные ныне в музее, увековечили встречи Горького с советскими писателями, рабочими, моряками, посетившими своего любимого писателя в Сорренто.

20 июня — второй с'езд писателей Белоруссии

20 июня в Минске открывается второй с'езд писателей Советской Белоруссии. С'езд заслушает отчетный доклад главного секретаря Союза советских писателей Белоруссии П. Броки о состоянии и задачах советской белорусской литературы, а также отчет ревизионной комиссии, и выберет руководящие органы Союза советских писателей Белорусской ССР.

На с'езде приглашены члены Союза писателей Белоруссии и молодые литераторы областей республики. Для участия в работах с'езда в Минск выезжает делегация Союза советских писателей СССР в составе К. Симонова, А. Твардовского, П. Фадеева, Е. Малышева, Н. Рыленкова, А. Яшина, М. Добрынина, С. Васнецова, Е. Мозолько и др. Писатели союзных республик направляют свои делегации.

К с'езду советских писателей Белоруссии московские издательства выпускают книги белорусских писателей. В Ленинграде выходит сборник «Белорусская драматургия», на Украине — сборник произведений белорусской прозы.

Мы объединены сталинской дружбой

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы России от социального и национального рабства, объединила их в единую дружную семью, открыла перед ними светлый путь к коммунизму.

В великую ленинско-сталинскую эпоху наши народы достигли огромных успехов на всех участках социалистического строительства, в том числе на фронте культуры. Ярким свидетельством служит бурный рост национальных литератур братских советских народов. Эти литературы, обогащаясь опытом русской советской литературы — самой передовой среди всех литератур нашего Отчествия и всего мира, добились выдающихся успехов. Обмен лучшими достижениями литературы еще более обогащает культуру наших народов, героических в труде и в бою, содействует дальнейшему укреплению их сталинской дружбы.

Украинский народ высоко ценит и любит выдающихся писателей Советской Белоруссии Янку Купалу, Якуба Коласа, Петруся Бровка, Аркадия Кудашова, Максима Танка и многих других, создавших прекрасные произведения о героическом труде белорусского народа, о расвете нашей великой социалистической Родины.

Мы, украинские писатели, связавшие творческой дружбой с писателями Советской Белоруссии. С любовью мы переводим

лучшие произведения белорусской поэзии и прозы. Сейчас на Украине выходит из печати новый большой сборник «Белорусские рассказы» в переводах на украинский язык. Наш украинский читатель уже знаком с «Автографом белорусской поэзии», в которой собраны лучшие поэтические произведения белорусских поэтов в переводах украинских писателей. Выход в свет этой книги еще раз свидетельствует о глубокой любви украинского народа к братскому белорусскому народу и к его талантливым мастерам художественного слова.

Украинские писатели горячо приветствуют своих белорусских товарищей, пришедших ко второму с'езду писателей Белоруссии с новыми творческими успехами, с замечательными произведениями, обогатившими многонациональную литературу нашей Родины.

Будем и впредь расширять взаимосвязи наших литератур, будем еще настойчивее работать на благо нашей великой Родины, на благо коммунизма!

Пусть крепнет вечная нерушимая дружба советских народов!

Александр ЧАКОВСКИЙ

Всегда молодой Нексе

Большой зал имени Чайковского был переполнен. Лианы, свирельствовавший в тот час, не помешал сотням москвичей прийти на юбилей своего верного друга, Мартину Андерсену Нексе исполнилось 80 лет.

Свет десяти «юпитеров» заливал зал. Гора живых цветов сжиманно росла на столе президиума. На роскошно изданной «Малахитовой шкатулке» Павла Власова сияла малахитовая шкатулка — чудесное издание уральских мастеров — подарок советских писателей своему соборту по оружию. Стона книг и альбомов — подарков юбиляру — на глазах превращались в баню. Почти не слышалась аплодисменты...

Константин Симонов произнес вступительное слово. Константин Федин и Анатолий Софронов, Венедол Вишневский и Тихон Семухин приветствовали Мартину Андерсена Нексе от лица советских писателей. Представитель Центрального комитета комсомода произнес свой комсомольский замах — символ вечно молодости. Под гром оваций Нексе прирешил его к лапану шпика.

И когда закончились приветствия от организаний, издательства, редакций, после того как были оглашены десятки поздравительных телеграмм, встал Нексе. Напряженная тишина съехала зал. Тысячи пар глаз — любящих, внимательных, восхищенных — устремились к человеку невысокого роста, с озорной, почти невинной улыбкой. От великой коренатой фигуры, от большого, открытого, изнеженного морщинами лица, от ослепительно белой в свете электрических лучей шевелюры вышло непоколебимой уверенностью, силой и мудрым спокойствием.

Несколько секунд Нексе молчал, пристально вглядываясь в притихший зал. Это было возмущение, многозначительное свидание старых испытанных друзей: советского народа и писателя-борца Мартина Андерсена Нексе.

Всего несколько секунд длилось молчание. И в эти секунды советские люди видели не только своего друга Нексе. Казалося, герой его книг, люди народа встали за спиной старого писателя. Кузнецы и каменотесы стояли рядом с сыном каменотеса. Дитте — «Дитя человеческое», те, что сделала землю богаче, одна из бесчисленных безымянных тружениц, смотрела в зал глазами Нексе. Простые люди, труженики, те, кто всю жизнь боролся с капитализмом, и те, кто пал в жестокой борьбе, незримо присутствовали сейчас в встрече писателя-воина с победившим народом. Книги Нексе: «В заплиту «Молодого дня», «Конеч пути», «Пил», «Дитя человеческое», «Мортен Крысний», десятки прекрасных, талантливых, честных статей, написанных Нексе в заплиту угнетенного народа в странах капитала, — все эти книги горели сейчас своими, доходящими до сердца людей голосами.

Потом мы услышали голос самого Нексе. С в радостно почувствовали: голые восьмидесятилетние человека так же могуч, как и его творения, его воля, его сердце.

Нексе говорил по-датски, на своем родном языке. Но, если бы и не было переводчика, те, что собрались в зале, поняли бы его. В прекрасной, исполненной чудного юмора, а подчас и глубокой скорбью манере говорил писатель о своем детстве... Он говорил о счастье бороться за дело народа, и советские люди знали о той бесконечной борьбе со старым миром обмана и насилия, которую из десятилетия в десятилетие ведет Нексе. Он говорил о счастье жить и работать в стране Советов, о великом подвиге советского народа.

Говорил старый Нексе, боевой, испытанный в жестоких боях друг нашего народа, бывалый солдат всемирной пролетарской армии.

«У меня немного сил», — сказал он. — Но когда меня пригласили сюда, в Советский Союз, я поехал. Это был зов матери.

В нашей стране я услышал много дружеских слов. Весь смысл моей жизни подтвержден и одобрен советским народом. Когда я был ребенком, иншим, всегда голым, я мечтал о чудесном, новом мире. И этот новый мир стал настоящей, реальной действительностью. Выражая благодарность, я хочу сказать, что самым замечательным для меня является Советский Союз. Я рад, что вы отнеслись ко мне как к товарищу, как к другу. Большое вам спасибо!»

«Десять лет тому назад передовые люди всего мира праздновали семидесятилетие Мартина Андерсена Нексе. Грандиозный театр под открытым небом в Копенгагене был посвящен ему. Народ встретил появившегося писателя овациями. Все встало. Оркестр рабочих-трамвайщиков играл пролетарский гимн. Рабочая молодежь провозгласила Нексе до трибуны с цветами в руках.

И когда смолкли овации, Нексе ответил собравшимся словами, которые могут служить эпиграфом к его мужественным и правдивым книгам. — Во всей его жизни. «Я презираю писателя, выдвигающего самое голодухиружильное салито-портале под куполом храма искусства, но не умеющего согреть простое человеческое сердце...»

Я пытаюсь открыть отдушину, дать возможность датскому народу вдохнуть чистый воздух, которым дышат в той стране, где свободный народ сумел проложить себе дорогу в будущее».

С тех пор прошло десять боевых лет. Невозда один датчанин сказал: «Служит Обладает мужеством, чтобы иметь талант». Нексе обладает этим прекрещным мужеством. Бесстрашно разит он врагов народа, современными позитивной новой войны.

И вот он снова с нами, дорогой Нексе. Стоит, возмущаясь над барьером цветов и устремив свой пылкий взор в умоляющий зал, говорит о счастье борьбы за дело народа, за коммунизм.

Гурей восторга отвечает ему авл. Отважно Нексе напечатал: «В старом Дании, когда камешки стрелили крепость, они клали рядом с собой меч, чтобы в случае нападения врага было чем ее защитит».

Здание мира, прогресса и демократичтее необходимо защищать от врагов. И среди миллионов рук честных людей всего мира, что держат этот меч голотым, отрадают вражеское нападение, — первые, могучие руки Мартина Андерсена Нексе.

Новые книги

ГОСЛИТИЗАТ	ВОЕНИЗДАТ
Литература стран народной демократии	Адрес В. Народная война. 266 стр. Цена 6 р.
Караганов Г. Сноха. Роман. Перевод с болгарского. 158 стр. Цена 4 р. 10 к.	Бирюков Н. Чайка. Роман. 350 стр. Цена 10 р. 50 к.
Майерова М. Сирена. Роман. Перевод с чешского. 408 стр. Цена 7 р. 50 к.	Бубликов М. Белая береза. Роман. Книга первая. 336 стр. Цена 11 р.
Ожешко Э. Избранные произведения. Перевод с польского. Т. I — Романы «Над Неманом» и «Мор Юзефовича». 720 стр. Цена 15 р. Т. II — Повести и рассказы. 576 стр. Цена 12 р. 50 к.	Кожанников В. Мера твердости. Рассказы. 232 стр. Цена 7 р.
Петров Ш. Избранное. Перевод с венгерского. 192 стр. Цена 2 р. 25 к.	Ирвингса А. Кочубей. Роман. 362 стр. Цена 9 р.
Свагалоу Т. Ботострой. Повесть. Перевод с чешского. 246 стр. Цена 5 р. 25 к.	Фадеев А. Разгром. Роман. 212 стр. Цена 7 р.

VII. Это Париж!

— Так неужели же во всей Франции тебе ничего не понравилось?

— Ничего? Наоборот! Мне очень многое понравилось.

— Например?

— Например, простые люди Франции. Они не могут не понравиться с первого же взгляда. В них есть какая-то доброжелательность, какое-то милое отношение к людям, которое сразу замечается.

Если вы приостановитесь на улице, не зная куда свернуть, к вам немедленно кто-нибудь подойдет и осведомится, не можете ли вы быть вам чем-нибудь полезны. Если вы спросите о дороге, каждый обрисует подробно, точно и даже проводит вас немного, всячески пытаясь попутать вас незнакомым ему языком. Когда вы входите в ресторан или кафе, официанты ведут себя так, словно вы доставили им величайшее личное удовольствие. И вас обслуживают с такой доброй улыбкой, что вы чувствуете себя свободной и непринужденно.

Да, во весь тут-то дело в прибыли... Может быть. Также и в прибыли. Но вас радушно приветствуют и внимательно рассуждают независимо от того, заживает ли вы дорогой обед или бутылку минеральной воды. Так что вы забываете о том, что ваше посещение приносит известную прибыль, — вам кажется, что вы просто приятный, желанный гость.

То же самое и в магазинах. Делают ли вы крупные покупки или приобретаете какую-нибудь мелочь, — все равно обязательная маленькая французская улыбка так мило, будет так стараться найти то, что вам больше всего по душе, так быстро и ловко выполнит все ваши пожелания, что и отсюда вы увидите с таким чувством, будто доставили кому-то удовольствие.

Поток машин со всех сторон в Париже автомашин в первые дни кажется совершенно неорганизованным хаосом. И лишь потом вы замечаете, что этот мильный хаос направляется какими-то, да первый взгляд незаметными, но железными правилами порядка. Здесь явственно вытекает из порядка между пешеходами. Никто никому не ругает, никто никому не угрожает, водители обмениваются дружескими взглядами, между ними чувствуется некое товарищество, предельная взаимная забота о соседях, младших слева и справа, выедри я позади на тысячах малолитражек. Парижская улица дышит атмосферой доброжелательства.

Но что она представляет собой в чем может быть эта парижская улица, это мы почувствовали во всей полноте только на стадионе Буффало, огромном парижском стадионе, где накануне закрытия Всемирного конгресса сторонников мира состоялась грандиозная манифестация в защиту мира, против войны.

С шести часов утра по направлению к Буффало стали стекаться толпы народа. На метро, на грузовиках, на велосипедах, пешком валили тысячи и тысячи человек и мечтали о том, чтобы это человеческое море встало на берегу стадиона. Тура не могли почистить даже все делегации, хотя он рассчитан более чем на сто тысяч человек. Мы видели снимки, сделанные с самолетов, — передний стадион и вокруг него сплошь забытые народом улицы, переулки, площади, скверы.

Немного подальше, вне этого огромного круга, заповедного сотнями тысяч людей, в узких улочках, рядами стояли черные полицейские каретки. Их было множество. Десятки, сотни кареток и тысячи полицейских. Но эти темные ряды, эти зловещие каретки казались жалкими в сравнении с необозримым потоком, который проливался в красной рауте транспарантов, в шесте красных знамен, в гирляндах цветов, в трепетании крыльев белых голубей мира. Мужчины, женщины, дети, молодежь — огромная волна, мощная, как прилив океана.

Делегаты конгресса сидят на трибунах. А перед трибунами, час за часом, час за часом, словно и конца ей нет, движется мощная демонстрация.

Идут шахтеры в своих рабочих костюмах, маршируют ровным, твердым шагом. Идут в своих старых мундирах моряки-ветераны, те самые, кто тридцать лет назад, в голы антивоенной интервенции, поднял восстание на кораблях французского флота в Черном море и перешли на сторону большевиков. И весь стадион взрывается возгласами в их честь, приветствиями их долгой, прокатывающейся, как гром, овацией. Микрофоны оповещают тех, кто не мог из-за отсутствия места попасть на стадион, о том, что здесь происходит. И вот гром приветственных кликов в честь моряков Андре Марти перемещается со стадиона на площадь, с площади на улицы и в переулки и грохочет, гудит в парижском небе, как грозное предостережение. Под белым старым знаменем идут моряки-ветераны, которые не согласились быть слугами империалистов. Их приветствует, им рукоплещет народ, и возгласы эти взрываются

ся, словно из единой мощной груди, — из груди парижского народа.

Теперь уже забываешь о мистических пьесах, об окриших певцах, о разлагающихся в кинофильмах трупах, о цветных латках и мазах на так называемых картинах. Здесь говорит народ Франции. Тот народ, который вознес в небеса кружевные башни Нотр-Дам и собора в Шартре, который сказочной радугой вытравил осветил Ла Шапеллу, тот народ, который взял приступом Бастилию, сражался на баррикадах Коммуны, громил врага в партизанских отрядах Сопротивления.

Одни из руководителей французской Коммуны, показывая рукой на то, что происходит на стадионе, сказал нам с гордостью: — Это Париж...

И его темные глаза горят любовью, и на губах его играет такая нежная улыбка, и в этих коротких словах столько чувства, столько веры и надежды, что горло сжимается от волнения. Да, это Париж!

А Париж является перед нами бесконечной, могучей волной. Идут фабричные рабочие. Идут санитары из госпиталей. Идут группы военных. Идут в посятах куртках бывшие узники фашистских концлагерей. Идут бывшие политические заключенные. Идут ученые, дети, молодежь. Идут матери погибших на войне. Идут, едут в тележках инвалидов. Французский народ демонстрирует против войны, против поджигателей нового военного пожара.

Транспаранты, транспаранты, транспаранты без конца. Они провозглашают на весь мир, что французский народ никогда не согласится воевать против Советского Союза. Что этот народ требует мира. Что этот народ твердо и решительно протестует против планов поджигателей войны. Что этот народ презрительно знает, кто его враг и кто его друг.

Ниточками и жалкими жалуются ряды черных кареток и ряды одетых в темное полицейских там, за громадой колышущейся массы. Соломинкой, которую эта народная волна могла бы сметить и увести в течение одной секунды.

Идут через стадион «караваны мира», прибывшие из отдаленных мест Франции. С юга, с севера, запада и востока страны прибыли они на этот день в Париж. Присоединить свой голос к голосу стадиона, сказать свое слово.

Им было запрещено проходить через город, — они обогнали их кружными путями. Им запрещено было идти через Фонтенбло, — фельдмаршал Монтегери не был уверен в том, смогут ли злотивить его полки немцами из армии Андерса, охраняющие в Фонтенбло оккупантов от гнева французского народа. Они эти «караваны мира», обогнали Фонтенбло. Они привнесли свои знамена, привнесли свои транспаранты, требующие мира от имени народа Франции, сюда, на стадион Буффало.

Грозным возгласом гремит стадион, взрывается песней. Из сотен тысяч людей льется песня. Это не просьба, это не мольба о пощаде, — это предостережение, это грозно скатый кулак.

В тысячных колоннах идут французские женщины. Накануне на Всемирном конгрессе были их представительницы. Они привнесли «тетради мира» с миллионами подписей французских жен и матерей, протестующих против угрозы войны.

За столом президиума сидит американский делегат Джон Ротге. Ротге — человек очень высокого роста. Но вот перед столом президиума стали проходить делегации французских женщин с «тетради мира». Они шли неслышимо и казались стеной «тетрадей мира» за стол перед Джоном Ротге.

— Ответьте это Трумэну! Подлинный, неподдельный голос французских женщин, голос Франции!!

Стада расти гора тетрадей. Все выше и выше. Сотни тысяч, миллионы подписей. Вот она, эта гора, закрыла Джошу Ротге плечи, достигла его подбородка. Вот она выросла выше головы. Огромный мужчина встал. Но делегации все шли, и на столе все росла, словно высокая стена, гора «тетрадей мира».

— Ответьте Трумэну! Пусть он знает, что думает и чувствует французский народ и какова его подлинная воля! Пусть знает, что пакты между правительством — это одно, а воля народа — совсем другое!!

Теперь женщины бесконечной лентой движутся по стадиону. Над ними несется голубь мира, а знамена, развевавшиеся над толпой, — это красивые знамена.

— Мир Вьетнаму! — взывают транспаранты, которые несут женщины, молодежь, рабочие.

— Мир Вьетнаму! — гремит стадион, и этот громадный клич несется над французской столицей, прокатываясь в самый центр города, где сегодня сидят у телефонов министры.

— Дружба с Советским Союзом! — провозглашают транспаранты, гремит мощные возгласы, перекатываются за пределы стадиона, доносятся до Бе д'Об-

сей, где в министерстве иностранных дел сегодня, несмотря на праздник, наверняка сидят чиновники, ожидая полицейских доносчиков о ходе демонстрации.

— Не дадим использовать нас для борьбы против Советского Союза! — гласят транспаранты, и этот возглас вырывается из сотен тысяч грудей на стадионе и, как гром, разражается над Парижем.

— Да здравствует Советский Союз! — взывают транспаранты. И гремит этот лозунг над Парижем, как предостережение, как твердая воля, как грозное слово французского народа.

О, эти-то знают, кто является подлинным защитником мира. Эти знают, кто стоят казуточные доводы во всякого рода комиссиях о том, что Советский Союз якобы угрожает миру. Эти знают, кто является поджигателями войны. Их не обманет ни пролазная газетная, ни пролазная сановника. Они уже испытали, что означает, когда в твоей стране хозяйничают чужеземцы. Их не увлекут ни экзотическо-националистские «теории», ни космополитические фокусы. Они хотят жить в своей Франции жизнью свободных людей.

На другой день Жюль Мок сообщил, что в демонстрации приняло участие... 40.500 человек. Но это сообщение никого не обмануло, — весь Париж видел, как валили толпы, как замерло на весь день движение, как все население высыпало на улицы. Все знают, что через стадион прошло свыше полумиллиона человек, — и это, может быть, лучше всех знает сам Жюль Мок. Точно так же, как он прекрасно знает, что в рядах демонстрантов шли его собственные подчиненные — парижские полицейские, десять тысяч которых присоединились к Всемирному конгрессу сторонников мира. Против всех этих фактов бесслонно смехотворное сообщение Мок, которым хотели успокоить неизвестно кого. Но ведь и в американских хозяев Жюль Мок есть и помимо него достаточное количество своих агентов в Париже, достаточное для того, чтобы проверить любое министерское сообщение. Кто же и кого хотел обмануть? Можно скрыть какой-нибудь незначительный факт, но нельзя скрыть мощной манифестации, равной которой Франция не видела уже четырнадцать лет, со времен самого высокого подъема движения Народного фронта.

Этот Париж! Прекрасный, гремящий, грозный Париж французского народа.

Этот Париж мы видим не только на стадионе Буффало. Когда мы с Корнейчуком выступаем в предместьях, в маленьких городках, мы явственно слышим бешеный крик Парижа. Мы не произносим речей, — мы только отвечаем на вопросы. И вопросы сыплются, сыплются непрерывно, ливнем обрушиваются на нас. Спрашивают рабочие. Спрашивают женщины. Спрашивают молодежь. И в их вопросах нам открывается трудная, тяжелая доля французского народа и облик французского рабочего класса. Они спрашивают, а мы отвечаем, — и, однако, сколько же мы сами узнаем из этих вопросов!

Мы находим этот Париж, Париж стадиона Буффало, в рабочем районе, где живет Морис Торез. Он живет здесь, в рабочих кварталах, среди людей, которые ему близки, вдали от цветущих аллей и клубов элитных улиц Парижа. Здесь улицы серы и мрачны, здесь не видно парадных женщин. И чувствуется какое-то напряжение, — да, эти люди знают, что заинтересован в том, чтобы о руководителем их партии случился что-нибудь недоброе. И они чувствуют на себе ответственность за его неприкосновенность. Вот почему тут опущены атмосферы какой-то постоянной напряженности, постоянной бдительности, которая больше говорит нам об условиях, в которых приходится развиваться рабочему движению Франции, чем десятки рассказанных нам фактов.

Мы находим этот Париж в словах и сердцах многих людей, с которыми нам приходилось встречаться и работать в период организации конгресса и в то время, когда он происходил. Мы видели воплощение духа этого Парижа в хрупких, казалось бы, слабых женщинах, которые самоотверженно боролись во время оккупации и сейчас продолжают самоотверженно служить своему народу. В мужчинах, которые чудом избежали казни от рук нацистских палачей и теперь продолжают бороться в самых трудных условиях.

Мы находим этот Париж, Париж стадиона Буффало, в чарующей улыбке Мари-Клод Вайан-Кутюрье, одной из руководителей международного антифашистского женского движения. Мари-Клод слегка оттягивает рукава блузы — на руке вытатуирован номер заключенной Освенцима. Эта физически слабая, тяжело больная в то время женщина была брошена в фашистский лагерь и пробыла там три года. И устояла, и выдержала все, и вела в лагере подпольную работу, и спасала сотни людей. Она всякая веру и доброту в своих товарках по заключению.

И вот, когда наступает час отъезда, словно грязная пена, тает воспоминание о хриплых кулешах, о гнилых обнаженных телах в кабре, о мистических пьесах, извлекаемых из архива на потребу нынешних дней. В сердце остается лишь мощный и грозный лик подлинного Парижа — Парижа, который брал Бастилию, сражался на баррикадах Коммуны, героически сопротивлялся фашистским захватчикам и который жив, существует и грозно заявляет о своем существовании.

И мы повторяем про себя то, что сказали на стадионе Буффало с такой нежной любовью, с такой гордостью Лоран Казапов: — Это Париж!

членно, она помогла бы не сломаться, не дать согнуть себя, и сама даже не потеряла своей чудесной улыбки, среди которой невозможно устоять, улыбки, которая словно изнутри освещает все ее лицо, озаряя его какой-то необычайной красотой.

Этот Париж нам близок, понятен и дорог. И этот Париж понимает и нас.

В маленьком городке, точнее говоря, в предместье Парижа, в конце вечера к нам подошел француз, по профессии врач.

— Не впадал ли вы в вас возможности разыскать адрес трех советских девушек? Тая, Соня и Маруся... Они были с нами в лагере и, рискуя собственной жизнью, спасли от смерти мою дочь... Нам так хотелось бы, жене и мне, сказать им теперь, что мы никогда о них не забываем, что мы — их вечные должники...

Он показывает какие-то бумаги, старые адреса, любительскую фотографию.

Тая, Соня, Маруся! Где бы вы ни были теперь, если вам попадет в руки эта статья, знайте, что там, далеко, в маленьком городке под самым Парижем, мы вспоминают, горят благодарностью к вам два человеческих сердца.

Но след за врачом подходят и другие. И возникает героическая повесть о наших советских людях. Об их несокрушимом мужестве. Об их полном достоинстве последние дни гитлеровского рабства подвечтала советских людей и, как светлый луч, сохранил о них воспоминания на всю жизнь.

Сидя старуха, подвздошью, работница, нетерпеливо дергает меня за рукав: — Васильем, Васильем его звали... Родной сын так бы ко мне не отписался, как он. Сколько раз от смерти меня отсал, последнюю корку хлеба отдал мне... Родной сын... Василья, Василья...

Самая она не знает даже его фамилии. Но ей кажется, что я должна, непременно должна знать этого Василья, который стал для нее чем-то большим, чем родной сын. Василья, который в фашистском концлагере думал не о себе, а об этой чудной женщине, французской старухе, которую он спасал, о которой заболел и для которой был больше, чем сыном.

Стершился, по-русски написанные адреса. Нечто забытые фамилии. Ну, как их найти теперь, этих людей, на огромных просторах нашей страны? Но я хочу выполнить обещание, данное там, далеко, под чужим небом.

Мои любимые! Вы, кто в кровавые черные дни, за решетками фашистских тюрем, за стенами концлагерей высоко держали знамя нашей родины, вы, без колебаний рискующие своей жизнью, чтобы спасти других, вы, служившие высоким примером и образцом, примите привет от десятков и сотен французских и французенок, чужих вам амена, как святыни, и вспоминающих о вас со слезами благодарности. От французских и французенок, которых вы спасали от смерти и голода, которым вы навсегда внушили любовь и доверие к нашему великому народу.

И когда потом на стадионе Буффало мы увидели десятки и сотни надписей: «Не позволяй скотать нас на борьбу против германского фашизма!», — то мы знали, что для этих людей наша страна перестала быть чужим и далеким и невездным; что кроме Истории, которая говорила о нашей стране мощным голосом победоносных боев нашей армии, мы говорили о ней, о нашей Родине, простыми сердечными словами наши простые героические люди, и потому в их памяти этих слов не стереть никому!

Там, в Фонтенбло, заседает штаб Монтегери. В министерстве иностранных дел и в министерстве внутренних дел витрируют и орудут американские чиновники. Подписывают пакты и договоры правительства, голос которого — это не голос французского народа.

Но мы-то слышали голос нации, голос народа. Этот голос могуч и грозен, он может, как гром, ударить в небо Парижа.

И вот, когда наступает час отъезда, словно грязная пена, тает воспоминание о хриплых кулешах, о гнилых обнаженных телах в кабре, о мистических пьесах, извлекаемых из архива на потребу нынешних дней. В сердце остается лишь мощный и грозный лик подлинного Парижа — Парижа, который брал Бастилию, сражался на баррикадах Коммуны, героически сопротивлялся фашистским захватчикам и который жив, существует и грозно заявляет о своем существовании.

И мы повторяем про себя то, что сказали на стадионе Буффало с такой нежной любовью, с такой гордостью Лоран Казапов: — Это Париж!

ПЕРЕД СВОИМ ОТЪЕЗДОМ ИЗ МОСКВЫ В АМЕРИКУ ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АРТИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПОЛЬ РОБСОН ПЕРЕДАЛ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» СВОЮ СТАТЬЮ.

Итак, я последний день в Москве. На прощанье я еще раз пройду по широкому улицам советской столицы, увижу радужные улыбки москвичей. Вечером у меня концерт. Я вновь выступлю перед советскими людьми — самыми чуткими, самыми благодарными слушателями.

Итак, я последний день в Москве. На прощанье я еще раз пройду по широкому улицам советской столицы, увижу радужные улыбки москвичей. Вечером у меня концерт. Я вновь выступлю перед советскими людьми — самыми чуткими, самыми благодарными слушателями. Я знаю, что они приветствуют меня не только как артиста, но и как представителя демократической Америки. Меня радует, что у американского народа много искренних и настоящих друзей.

Друзья!.. Какое счастье, что я могу начать свою статью, обращенную к советскому народу, к его мастерам культуры, этим чудесным русским словом.

Я приехал к вам от Америки простых людей и прогрессивной интеллигенции. С каким волнением ловила мы каждую весточку с советского фронта в дни, когда на просторах России происходила историческая битва великого советского народа с фашистскими головорезами Гитлера.

И вот я побывал в Сталинграде. Память об этом городе-герое будет переходить из поколения в поколение у всех народов как символ беспримерного мужества советских людей. От имени прогрессивной Америки я поклонился Сталинграду и памяти наших под его стенами героев.

Выступая перед коллективом Сталинградского тракторного завода, я испытал необычайную гордость тем, что мои песни пришли по сердцу труженикам этой волежной твердыни. Вглядываясь в лица моих слушателей, беседа с ними, проезжая по отстраиваемому городу, я вспоминал чудесные строки Владимира Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — салу песней, когда такие люди в стране советской есть!».

Я не случайно привел здесь цитату из Маяковского. Я читал много его стихотворений, и мне близок весь его облик поэта-трубача. Теперь в Москве я познакомился с маленькой книжкой стихов. Эта книжка — «Друзья и враги» Константина Симонова. Я узнал в литературных портретах, написанных Симоновым, своих друзей и своих врагов.

Я родился и рос в бедной семье. Учась в школе для «цветных», я должен был зарабатывать батраком на ферме. Позже, чтобы закончить образование, мне пришлось быть и рабочим на кирпичном заводе, и официантом в кафе, и грузчиком в порту, и профессионалом футболистом.

Когда я уже стал известным драматическим актером и певцом, я много лет не имел работы и вынужден был покинуть Америку. Вся жизнь я чувствовал себя лишеным права на человеческое достоинство. И во время недавнего моего путешествия по Западной Европе мне не раз давали почувствовать, что я — негр, первичный член общества.

В Советском Союзе я был впервые в 1934 году. И сразу же я почувствовал, что попал в другой мир, где жизнь основана не на волчьих законах Америки и Западной Европы, а на братстве и равенстве всех людей независимо от национальности и цвета кожи.

Я много узнал и многую научился в Советской стране. И все годы, прошедшие с тех пор, я отдал борьбе за демократию. И вел героям Маршала и Барселонцы. Там, на полях Испании, шел бой против фашизма. Я горжусь тем, что принимал в нем участие. Батальон имени Лянкиса дрался бок о бок с испанскими республиканцами против соединенных войск Фрэнко, Гитлера и Муссолини. Солдаты этого батальона были моими друзьями, и, как и они, я твердо и непоколебимо решил посвятить свою жизнь борьбе с фашизмом. Это было мое божьим крещением.

По самое серьезное было вперед. В Америке после второй мировой войны стала явственно вырисовываться черта поднимаемого голову фашизма. Демократия престоило дать бой отвратительному порождению Уолл-стрит.

«План Маршалла» и доктрина Трумэна, комиссия по расследованию антиамериканской деятельности и законопроект Муллата, «холодная война» и «атомная дипломатия» — все это появилось на свет божий, продиктованное стремлением фланговых воротил сохранить высокие дивиденды военных лет и задушить рабочее движение в США и Европе.

Законопроект Муллата, предусматривающий запрещение компании, угрожал основным гражданским свободам. Этот законопроект был настолько возмутителен, что я отправился в юридическую комиссию сената, чтобы протестовать против его принятия. Я во всеуслышание заявил тогда, что коммунисты в Америке представляют лучшую часть народа и что я вместе с ними питаю себя преданным другом СССР.

Я не собираюсь отказываться от своих убеждений даже под угрозой заключения в тюрьму, а ждать такой угрозы долго не пришлось. Выходящая в Вашингтоне газета «Таймс геральд» уже на следующий день напала на меня, что я — сын раба и, пренебрегая несколькими «уроков приличия», предупредила, что я «держу курс прямо в тюремную камеру».

Власти города Фортна, находящегося в штате Иллинойс, создали во время моего пребывания там атмосферу, напоминающую приготовление к линчеванию. Тогда я постиг вальсальную школу конспирации. У неорейских властей оказалось немало последователей и в других городах.

Вот как выглядят американская демократия! Несмотря на угрозы ку-клакс-клановцев убить меня, если только я появлялся в южных штатах, во время избирательной кампании я все же поехал к своему народу. Меня сопровождал один из организаторов прогрессивной партии на юге. Теперь у негров много белых друзей. Да и сами негры — не те, что были раньше. На угрозы ку-клакс-клановцев они отвечали повсеместным объединением, чтобы ограждать своих гостей от посягательств на их жизнь. Это были счастливые минуты моей жизни. С каждым годом негры все смелее выступают против порабощителей, против позорной расовой дискриминации.

Вот уже полгода, как я путешествую по всему свету. Я видел, что и на Ямайке мои собратья уже не те, какими я знал их раньше. Из населения острова, насчитывающего 120 тысяч человек, на мой концерт пришли 75 тысяч. На огромном ипподроме многотысячная толпа ждала ловила каждое слово о борьбе за мир, за свободу, за национальную независимость. Это от их имени, как и от имени суданских негров и негров США, я заявил на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже:

— Негры всего мира не будут воевать против Советского Союза, они сделают все, чтобы защитить страну, которая за одно поколение поколела с вековой отсталостью колониальных народов. Но я говорил не только от имени негров. Среди тружеников Америки растет и ширится движение за мир. В Париже я почувствовал, какой силой может быть союз передовых людей всего мира, твердо решивших сорвать планы поджигателей войны. Мне довелось этой весной объехать почти всю Европу. Повсюду я видел растущую и крепнущую решимость к борьбе за прочный и длительный мир. Когда в Эдинбурге (Шотландия) было объявлено о моих концертах-митингах, собирались горилки со всей округи. Многие из них пришли издалека с семьями, невзирая на то, что придется возвращаться обратно подлую ночью. Они хотели услышать, что творится в мире, и послушать песни солидарности борцов против фашизма.

Во всех странах, где я бывал, я рассказывал слушателям о борьбе, которую ведут подлинные демократы в Америке. Нельзя сказать, чтобы это приходилось по вкусу господам с Уолл-стрит и их марионеткам в Европе и Азии. Сначала мне старались помешать покинуть «свободную» Америку. Потом пытались задушить поездку. В Альберт-Колле в Лондоне у меня возникло... украла ноты, на Ямайке повредила радиоустройство на ипподроме, желая огрести слушателей от «криминальных» речей, и т. д. Но друзья все же выручали меня из беды.

Недавно я узнал, что губернатор штата, в котором находится мой дом, прокатил меня и предупредил, что мне лучше не возвращаться домой. По его мнению, выступлениями в Париже и в других городах я опозорил население штата и его самого...

Мне хочется ответить незадачливому губернатору. Несмотря на угрозы, я еду домой, так как считаю, что позором открыто не мое семейство, а ты тысяча американцев, в руках которой сосредоточены колоссальные богатства. Обуреваемые жаждой власти, они стремятся вызвать новую войну. Я еду домой, потому что твердо решил бороться с фашизмом всех оттенков до конца своих дней и верю в то, что прогрессивные силы Америки окажутся сильнее тайного сговора тысячи американцев. Я еду домой потому, что как аргумент должен средствами своего искусства рассказать американскому народу правду о том, что делается в СССР, в Европе, в Азии.

Я сиелу домой, чтобы присутствовать 19 июня на митинге в защиту лучших людей нашего народа — двенадцати коммунистических лидеров, сейчас судимых. На этом митинге я буду говорить о том, что ты хорошо знаешь: силы мира и демократии непобедимы!

А советским друзьям я хочу, уезжая, сказать: — До скорого свидания! До скорой встречи!

Советским друзьям!

Джанси Кимонко

Неожиданно смерть вырвала из рядов советских писателей автора поэтической повести «Зарево над лесами», первого уздгейского писателя — Джанси Кимонко. Для народа уздг и для советской литературы его смерть — большая утрата. Родился Джанси Кимонко в с. Гасюги, района им. Лазо, Хабаровского края, в 1905 году, в юности был проводником у партизан, учился в Ленинградском институте народов Севера, окончил курсы советского строительства. Вернувшись на родину, Джанси Кимонко стал председателем Джанговского сельского совета. С 1943 по 1945 г. он служил в пограничных войсках Хабаровского края. Был бригадиром, затем заместителем председателя колхоза «Ларкин-охотник».

Писателем Джанси Кимонко стал в 1937 году. Часто по вечерам в клубе читал он свои стихи. Его песни поет уздгейский народ. Первое и последнее произведение произведения Джанси Кимонко «Зарево над лесами» говорит о том, что он смотрел на мир глазами подлинно советского поэта. Он по-сыновья любил советскую родину, свой народ и с чувством глубокой признательности писал о больших людях, которые открыли уздгейцам дорогу «светлую, как осенний луг».

Образ Джанси Кимонко, замечательного писателя-патриота, основоположника уздгейской литературы, навсегда останется в нашей памяти.

А. Фадеев, К. Симонов, Н. Тихонов, В. Вишневский, А. Софронов, Б. Горбатов, Л. Леонов, В. Кожеников, А. Сурков, Ф. Панферов, А. Караваев, В. Ажаев, П. Фатеев, П. Скосырев, Т. Колесникова.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: И. АГАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам. Адрес редакции и издательства: 2-й Обводный пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6 47-41, Г 6-31-40, отделы: литература и искусство — Г 6-43-20, внутренней жизни — Г 6-47-20 международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, отдела писем — Г 6 38-60, издательство — КО 36-84, Г 6-45-45.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Выселение бедноты в Мексике

Как сообщает агентство Юнайтед Пресс из Мексико, две тысячи трудящихся, ютящихся в лагунах Линда Виста — одного из районов мексиканской столицы, оказали сопротивление полиции, которая пыталась выселить их из города, и забросали полицию камнями. Принудительное выселение мексиканских трудящихся предпринято для того, чтобы предоставить американцу Гидреду возможность заняться

строительством роскошных отелей для приезжающих из США туристов. Городские власти вызвали войска и приказали очистить район Линда Виста от бедняков в кратчайший срок.

По сообщению корреспондента Юнайтед Пресс, выселяемые заявляли, что они будут сопротивляться любым попыткам снести их жилища и оставить их семью под открытым небом.

Выгребные ямы американской юстиции

Атмосфера, царящая в американских муниципальных судах, такова, что даже старший судья Чикаго Шеффлер признал, что они представляют собой «настоящие выгребные ямы».

Суды находятся в грязных, запущенных помещениях при городской тюрьме, откуда через двери с решетками в зал заседаний доносится ужасающее зловоние. «Судопроизводство» вершится здесь буквально с рекордной скоростью: два дела в минуту. Судья, развалившись с ногами на столе, обычно читает при этом газеты, журналы,

письма. Они обращаются к обвиняемым на жаргоне грими и проститутки, кричат, зачастую ненужно ругаются. В некоторых штатах судьям дано право взымать судебные издержки в свою пользу.

Все эти факты заставили журнал «Кольерс» прийти к выводу, что «если правосудие обычно изображают в виде женщины с завязанными глазами, то здесь ей нужно еще зажать нос, чтобы она смогла выжить в атмосфере американских муниципальных судов».

— Это Париж!